

Юлия Жукова

**КОТИКИ СПЕШАТ
НА ПОМОЩЬ**

Юлия Жукова
Котики спешат на помощь
Серия «Sweetie(tm)», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73458453

SelfPub; 2026

Аннотация

Второй том цикла «Свити» – история о том, как бывшие разумные артефакты становятся людьми, о магии простых вещей. Лиру, Брассе и Маркизу предстоит научиться тому, чему их никогда не учили: быть не вещью, а личностью. Найти своё призвание и научиться понимать свои чувства.

Жизнь Джея до встречи с Эдной была тяжела и полна лишений, но хотя бы его сердце принадлежало только ему. Лиру повезло меньше...

Содержание

Часть 1 – Лир	4
Глава 2. Восстановление	19
Глава 3. Интеграция	34
Глава 4. Автономный режим	49
Часть 2 – Маркиз	59
Глава 6. Отладка	73
Глава 7. Конфликт версий	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Юлия Жукова

Котики спешат на помощь

Часть 1 – Лир

Глава 1. Отказ

Тусклый свет из мутного окна падал на наливной пол из магорезины. Лир ненавидел этот материал всей душой: когда у него заканчивался срок службы, пол становился липким, и к нему приставала абсолютно вся грязь, пыль, тканевые волокна, крошки от еды и всё, что только могло оказаться поблизости. А отмывать – Лиру. Из всех его обязанностей проклятые коридоры с неотделанными стенами и мутными окнами утомляли его больше всего.

Он как-то раз даже просил руководящего Юдзу позволить ему вымыть эти несчастные окна, залепленные паутиной, стёкшей по фасаду здания вместе с дождём штукатуркой и парашютиками семян какой-то травы. Но получил отказ: распоряжения не было, а без распоряжения это нецелевое использование оборудования. Хорошо хоть не наказали...

Лир остановился у окна намочить швабру и услышал, как с грохотом открываются ворота. Странно, разве с этой стороны они тоже есть? Выезд с базы точно находился напротив

другого торца здания. А здесь...

Оглядевшись, Лайм убедился, что никто не идёт проверять его работу, привстал на цыпочки и выглянул в окно. Видно было просто ужасно, словно сквозь белёсую дымку. Лир не выдержал и всё-таки прошёлся по стеклу шваброй. Конечно, аура порядка возмутилась такому кощунству, но Лир давно уже не парился по мелочам.

Теперь наконец он смог разглядеть забор и открытые ворота. По ту сторону стояли какие-то ангары, валялись кучи строительного мусора или какой-то техники, частично занесённые землёй. У Лайма зачесались руки что-нибудь сделать с этими завалами. Всем Лаймам наносят вроде бы одинаковые ауры, но на практике зачастую у некоторых одни более активны, чем другие. Лир терпеть не мог хлам.

Он работал на базах вроде этой уже почти тридцать лет. Эфиром иногда доносило, что в других организациях Лаймов так долго не эксплуатируют из-за гарантийного срока, но здешним воротилам такие мелочи были нипочём. На каждой базе штатный артефактор мог починить что угодно, пока ты не начинал разлагаться, как тот самый наливной пол. Поэтому Лира только время от времени переводили с базы на базу в зависимости от того, где возникала необходимость увеличить парк Лаймов.

Снаружи послышался лязг, но поначалу его источник не было видно. Потом из-под окна, вероятно, из какого-то неизвестного Лиру выхода новенький Лайм выкатил тележку. Та-

кую, как на складе используют, чтобы перевозить негабаритные материалы.

На тележке лежало... Лир ухватился пальцами за узкий желобок у самого стекла и подтянулся на руках, чтобы рассмотреть получше. Сначала ему показалось, что там просто какой-то металлолом. Искорёженные магомеханические детали, наваленные неопрятной грудой. Только с одного конца...

Лир обомлел. На краю тележки покачивалась от тряски голова. Бледное пятно лица, размётанные чёрные волосы... Сквозь мокрое и всё ещё грязное снаружи стекло Лайм не мог различить черты, но это было и не нужно. Он сразу узнал её.

Это была Брасса.

Конечно, никто не давал Свити имён. Это даже было официально запрещено уставом организации. Но, во-первых, устав распространялся только на людей. Свити делали то, что им велели люди и Юдзу, а чтение устава не входило в их обязанности. А во-вторых, Лир рассуждал так, что если он будет давать имена только у себя в голове, то никто его на этом не поймает. Для него же это была такая отдушина, маленькое развлечение, игра. Он и людям давал прозвища, и потом тихо веселился, выслушивая приказы или нагоняи и видя над человеком табличку вроде «Зануда», «Грязнуля» или «Полные штаны».

Брассе он дал имя, когда её впервые увидел. Высокая, на

полголовы выше его самого, гибкая и быстрая Цитронка поразила воображение Лайма с первого взгляда. Он и вообще-то женщин не так много повидал: в организации их работали единицы, и Лаймов они обходили стороной во избежание репутационных потерь. А уж таких сногшибательных, как Брасса, не доводилось встречать не только ему, но и никому из людей, занятых на этой базе.

– Ишь ты, Цитронка-девочка, – покачал головой майор, когда Брассу представили всем ответственным лицам. Она стояла, ледяная и неприступная, с неестественно белым лицом и равнодушным взглядом миндалевидных глаз. Блестящие чёрные волосы совершенно прямым полотном спускались до осиной талии. Чёрные доспехи с логотипом организации сверкали острыми гранями, а на обоих бёдрах ждало своего часа заткнутое за ремни стреляющее оружие. Лир в оружии вовсе не разбирался, но от этого образа у него внутри что-то ёкнуло, затрепетало и свилось в смерч, так что он едва не выдал себя, подсматривая из подсобки.

– Да вот, удалось урвать с рук лимитированную модель, – похвастался зам по материально-техническому обеспечению. – Починили немного, теперь как новенькая! А толку от неё намного больше, чем от новых.

На этом Лиру пришлось покинуть свой наблюдательный пункт и пойти выполнять приказ ефрейтора, но загадочная Цитронка в броне навсегда захватила его мысли.

Сама Брасса за всё время, что они проработали бок о бок,

удостоила его разве что пары равнодушных взглядов, но Лир и не надеялся на большее. Всё же он только тупенький Лайм, которого даже из здания базы не выпускают. А она летает с людьми куда-то на задания, носит оружие и может одним ударом кулака пробить несущую стену. А один раз она полковника принесла – на руках, пешком, за сто километров.

Лиру было достаточно просто знать, что она существует. Просто видеть её изредка, любоваться её сверхчеловеческой красотой, слышать её чёткий и ясный голос. Он мечтал, что когда-нибудь его пошлют убирать место её хранения или чистить её доспех...

Но вместо этого теперь он смотрел через мутное оконце, как остатки Брассы вывозят на тележке на свалку. Потому что она сломалась сильнее, чем было рентабельно чинить. И то, что она – редкая и успешная модель, не спасло её от утилизации.

Лир сполз с окна и прижался лбом к холодной стене. Тридцать лет он обслуживал этих людей. Терпел всё, что они с ним делали. Ни разу не заспорил, не возмутился, не нарушил приказа без веской причины. Его аура человеческого контроля почти не имела к нему претензий, он научился с ней дружить. Но это... Это он стерпеть не мог.

Он не сможет продолжить тупо пахать на базе, пока не рассыплется на отдельные заклинания, зная, что Брассу просто выбросили, как металлолом. С него довольно.

Лир сказал это себе так грозно и многообещающе, как будто и правда мог что-то сделать. Пойти избить майора, украсть оружие, взорвать базу... Но он ничего не мог. Даже отлынивать от мытья пола аура ЧК больше не позволяла.

Единственное, что было ему под силу – это присоединиться к Брассе на свалке. Причём попадёт он туда не своими ногами. Лир не знал, что происходит со Свити после смерти. И что вообще считать смертью в их случае? Что если Брасса так и будет лежать на свалке – в сознании, всё понимая и не в силах пошевелиться? По крайней мере, пока не разрушится вычислительный артефакт. Или и он не критичен?

Нет, скорее всего, сознание отключится только если пострадает центральный артефакт. И, возможно, он у неё уже разбит. Хотя Лир слышал, что его очень трудно уничтожить.

Но если она лежит там и мучается, то он обязан так или иначе добраться до неё. Даже по кускам. Он хотя бы сможет скрасить ей последние – часы? Дни? На сколько хватит магии в центральном артефакте?

А заодно, хоть и мелко, но подгадит руководству. Лаймов на базе было не так уж много, бюджет на их закупку в этом году уже выбран, перераспределение прошло, и все загружены на круглые сутки. А это значит, что когда они лишатся Лира, людям самим придётся мыть свои проклятые лип-

кие полы. Тем более, что с тридцатилетним стажем он умел выполнять работу так быстро и качественно, как не всякий Лайм, не говоря уж о человеках.

Аура ЧК снова одёрнула его и напомнила о швабре. Лир сжал зубы и продолжил мыть, но мысленно продолжал планировать свою последнюю диверсию.

Ему нужно было сломаться так капитально, чтобы штатный артефактор не стал связываться. Но при этом так, чтобы остаться в сознании, ведь он надеялся хотя бы напоследок развлечь Брассу беседой, переключить её внимание с боли и разочарования на что-то другое.

Итак, терять конечности бессмысленно – артефактор их приделает на место без проблем, в крайнем случае закажет новые, благо организация закупается в Цитрусе оптом. Ломать ауры тоже смысла нет, они у артефактора все есть в виде пакетов, и ему ничего не стоит нанести их заново.

Если испортить вычислительный артефакт, Лир не сможет думать и говорить, а если центральный – просто отключится. Но по опыту своих ремонтов Лир знал, что центральный артефакт не так прост, у него несколько слоёв. Например, при повреждении верхнего вытекала эктоплазма. С ним такое случалось несколько раз, и всякий раз он отключался на время, но потом приходил в себя, даже если артефактор ничего не делал. Однако эктоплазма сама не восстанавливалась, пока он не выпивал что-то сладкое.

Лир домыл второй этаж и принялся за лестницу. Сегодня

ему нужно было ещё обработать столовую и мастерскую. И у него постепенно рождался план.

В столовой на столах стояли подставки с салфетками, солонкой, перечницей и сахарницей. Сахар на базу привозили всякий разный, когда россыпью, когда прессованный, а иногда, как в этот раз, – в виде больших желтоватых кристаллов. Неловко развернувшись, Лир смахнул рукояткой швабры одну подставку, и кристаллы раскатились по полу. Аура ЧК, конечно, ему наподдала, но несильно, зато теперь Лир мог делать с сахаром что угодно.

Завернув несколько кусков в салфетки, он аккуратно засунул их себе в уши. Уши у Свити были огромными не только снаружи. Поскольку вычислительный артефакт располагался не в голове, ну или по крайней мере не целиком в голове, то там оставалась куча бесполезного места. Если просто сунуть палец в ухо, стенки канала казались цельными, а сам он вёл к мембране, улавливающей звуки. Однако опытный Свити, не раз прятавший всякую мелочь, знал, что если немного надавить на стенку, под мягкими тканями открывалась ямка, в которую палец уходил на две фаланги. И самое главное – во время осмотров артефактор уши никогда не проверял, наверняка не подозревая об этом потайном кармашке.

Итак, сахаром он запасся. Домыв столовую, Лир отправился в мастерскую, и вот тут следовало проявить особую изобретательность.

В одном из углов мастерской стояло страшноватое соору-

жение, похожее на кровать с балдахином, из купола которой спускалась лапка от швейной машинки размером с кулак. Это устройство предназначалось для замены износившихся магических накопителей в разного рода Импульсах.

Сам Импульс загоняли носом под купол, открывали на нём специальный лючок, а мощная лапа сначала извлекала старый накопитель, а потом вталкивала в тугий держатель новый. Важно было закрепить его очень надёжно, чтобы при езде даже на волосок не сдвигался, иначе магический поток мог прерваться, и Импульс бы встал на нос. Так что лапка была с невероятной силой, и Лир не раз видел, как она пробивала корпуса Импульсов, подогнанных неправильно.

Вот на эту лапку Лир и возлагал свои надежды. Ей точно хватит мощности пробить толстую шкуру Свити и всё, что под ней. Оставалось только правильно разыграть свой несчастный случай.

Размахивая шваброй рядом с сооружением, Лир как бы случайно задел локтем выключатель. Машина тихо загудела и зажгла лампочки, но аура ЧК ничего не сделала. Лир ведь ничего не испортил и не нарушил. Оставался последний акт.

В странном нервном возбуждении, с трясущимися руками и непонятным ритмичным стуком в ушах Лир зашёл к устройству с другой стороны, пятясь от входа. Его трясло – то ли от страха, но внятно он его не чувствовал, то ли просто от волнения о том, чтобы сделать всё верно. Оплошать нельзя. Второго шанса ему не дадут. И только так он может

освободиться от власти людей и воссоединиться с Брассой. Пусть ненадолго, пусть сквозь боль, но Лир больше не мог пригибать голову и терпеть человеческий произвол.

Допятившись до платформы между столбами, Лир резко подался назад, прямо-таки фигурно споткнулся и полетел спиной вперёд. Вскинув в полёте швабру, он засадил её рукояткой в пульт управления, благо там была большущая красная кнопка, запускающая механизм. И, наконец, упав на платформу, быстро подвинулся так, чтобы под лапкой оказался край центрального артефакта, насколько он представлял себе его расположение.

Машина взревела, наверху что-то натянулось, и вот уже металлический кулак понёсся к груди Лира. Мгновение – и темнота.

Тусклый свет. Несильный, но холодный ветер, порывами проникающий под одежду. Да надо ли ему проникать? Кажется, местами одежды на Лире нет вообще.

Он осторожно приоткрыл глаза. Это было нетрудно, но он опасался того, что мог увидеть.

Однако увидел он такое, от чего все мысли разом вымело у него из головы, словно мощным пылеуловителем.

Перед глазами раскинулся пейзаж невероятной красоты. Яркие краски, блеск металла, интригующие плавные фор-

мы холмов и контрастирующие с ними резкие очертания каких-то конструкций. Лиру потребовалось несколько минут на то, чтобы понять: он смотрит на свалку. Ту самую свалку, куда вывозили Брассу.

Но почему она такая красивая?

Лир чувствовал себя так, словно попал в шоурум какого-то интерьерного магазина, какие видел изредка в журналах или на Церебрумах у сотрудников. У него голова кружилась от того, как идеально сочетаются формы и ритмы, как подобраны цвета, как разложена композиция.

Но это проклятая свалка!!!

Лир попытался пошевелиться. Как ни странно, тело откликнулось, хотя и казалось невероятно тяжёлым. Ему всё же удалось поднять голову и увидеть, что форменная куртка на нём разорвана и вся залита чёрной эктоплазмой. Штаны тоже забрызгало, но они казались целыми. И их даже с него не сняли перед тем, как выбросить. Невиданная щедрость.

С большим трудом Лир поднял руку и пощупал свою грудь. В ней зияла здоровенная дыра. Значит, эта часть его плана удалась. Артефактор не смог его починить, и его вывезли на свалку. Но отчего же он сейчас в настолько хорошем состоянии?

Тут Лир наконец вспомнил, ради чего всё это было, и заозирался. Пришлось перекатиться на другой бок – при этом что-то больно защемило, а по коже потекла новая порция эктоплазмы.

Там, слева, лежала Брасса. Её огромные тёмные глаза смотрели на него без выражения. Лира накрыла волна отвращения. То, что он видел, было мерзко. Это белое лицо, эти большие тёмные глаза, эти разнёсанные клочья волос, то ли оторванных, то ли обгорелых... Вид Брассы раздражал его так сильно, что если бы мог, он бы отправил её в мусоросжигатель.

Сначала он подумал, что её каким-то образом подменили. Он ведь помнил, как прекрасна была Брасса, а значит, нечто уродливое никак не могло быть ею. Но как он ни крутил воспоминания, он не мог найти объективных отличий, только разницу в своём отношении. А раз это была та же самая Брасса, то как он мог смотреть на неё с отвращением? Это ради того, чтобы быть с ней, Лир сотворил с собой такое. Как же она может быть противной?

И тут он наконец понял. Похоже, удар повредил ему эстетическую ауру, и теперь та работала наоборот.

Хм. А как поживают остальные ауры?

Первой он проверил навигацию. Она была в порядке: он точно знал, с какой стороны база, и помнил, как она устроена. Аура связи тоже подключилась к эфиру базы без проблем. Перебирая одну за другой, Лир вскоре выяснил, что жертвами его бунта стали, кроме эстетической, ещё кулинарная и... аура человеческого контроля.

Вот это была новость так новость! Как же это он так умудрился? Лир всегда думал, что ауры не имеют чёткой привяз-

ки к месту, а обволакивают всё тело, как невидимая кожа. Потому и говорят «наносить ауру», вроде как лаковое покрытие. Но, видимо, Цитрус нарочно вводил всех в заблуждение.

Что ж, эстетика и кулинария – это небольшая плата за то, чтобы избавиться от человеческого контроля. Готовить он так и так вряд ли собрался бы, а то, что Брасса теперь кажется ему противной на вид... Ну, переживёт как-нибудь. Меньше любить он её из-за этого не стал.

Кстати о Брассе. Он снова всмотрелся в её неприятное лицо, чтобы понять, живая она вообще или всё уже. Но взгляд тёмных глаз не был застывшим. Она в сознании!

– Ты как тут? – прохрипел Лир и осознал, что во рту у него пересохло, как на крыше базы в летний полдень.

Брасса медленно моргнула.

– Ты кто?

Вот так вот. Он жизнь бросил просто на то, чтобы ей не было одиноко, а она его даже не запомнила!

Впрочем, её тело всё было так раскурочено, что удивляться нечему. Она и себя-то небось не помнит.

– Я Лир. Лайм с базы.

Брасса всё так же смотрела на него ничего не выражающим взглядом, как будто слово «Лайм» ей ничего не сказало. Что добавить, Лир не знал. Если Брасса не помнит, что такое Лайм, она может и о своей природе не помнить. Да и запоминает ли она новую информацию? Если в ней всё так

сильно повреждено...

– Хочешь сахара? – спросил Лир.

Брасса моргнула как-то растерянно, потом нахмурилась.

– Без толку. Сначала нужно остановить утечку эктоплазмы.

Ах, вот почему двигаться было так тяжело! Ну конечно, эктоплазма вытекла и больше не защищает центральный артефакт от внешнего шума, а оттого он путается и не даёт энергию конечностям.

Лир осмотрелся. Они валялись на куче какого-то металлического и магопластикового хлама, но на расстоянии вытянутой руки Лир заметил обрезки магорезины. Он даже знал, откуда они взялись. Из такой магорезины делали плащ-палатки и кожухи для кузовов грузовых Импульсов. Он же сам и делал.

Дотянувшись, он подтащил длинную ленту с неровным краем, переволок её через себя и положил перед Брассой. Мысль самому её перевязывать казалась неприемлемой: Брасса бы ни за что не разрешила себя трогать.

– О себе позаботься, – безразлично сказала она. – Во мне слишком много дыр, к тому же я не могу пошевелиться.

В недрах Лира что-то воспламенилось.

– Я тебя починю! – неожиданно для самого себя пообещал он. Как он собирался это делать? Ни квалификацией артефактора, ни знаниями устройства Свити, ни тем более нужными инструментами он не обладал.

Брасса тоже не впечатлилась и смерила его оценивающим взглядом.

– Себя почини сначала.

Лир засопел. Он уже столько всего сделал ради неё, подумаешь, починить!

– Ты, главное, не загнись прежде, чем я справлюсь, – огрызнулся он и напруг всё тело, приподнимая его с земли, чтобы намотать резину. Эктоплазма потекла по груди на шею, мерзкая и холодная, но Лир стойчески задрал ошмётки куртки и обернул растяжимую ленту плотно в несколько раз, а потом связал тонкие концы.

Сразу стало теплее, и ветер уже не так чувствовался. Отдышавшись, Лир выковырял из уха свёрток, ободрал салфетку и засунул кристалл сахара в рот. Вкус был таким омерзительным, что он чуть не выплюнул всё вместе с оставшейся эктоплазмой, но тут же вспомнил про кулинарную ауру. Конечно, если с эстетикой проблемы, то и со вкусом тоже.

Но это лекарство, сказал он себе. Его необходимо принять.

Чтобы отвлечься, он снова повернулся к Брассе и хотел что-то сказать, но увидел, что её взгляд остановился. Брасса отключилась.

Глава 2. Восстановление

Лир звал её, может, полчаса, а может, час. Даже подполз поближе и осторожно похлопал по руке. Да, она не разрешала себя трогать, но он должен был знать...

Наконец она разлепила губы и еле слышно произнесла:
– Перенапряглась...

Лир застыл. Это она перенапряглась оттого, что несколько фраз произнесла? Нет, так дело не пойдёт. Раз уж Лир выжил, да ещё и освободился от контроля, он сделает всё, чтобы сберечь Брассу. И для начала нужно и правда остановить утечку эктоплазмы, иначе она скоро вообще перестанет говорить.

Однако тело Брассы было всё так перемолото, что наматывать что-то не представлялось возможным. Как бы хуже не сделать. Но и так оставлять нельзя.

Лир наконец рассосал несчастный сахар, от которого его мутило, и почувствовал прилив сил. Он хотел было встать и пойти поискать что-то, что могло бы помочь, но потомглянул на окна базы. Конечно, вряд ли кто-то, как он, пялится через мутное стекло на свалку, но там ведь и видео записывается. Если слишком много двигаться, кто-то может заметить шевеление.

Порывом ветра с соседней кучи сорвало лоскут какой-то плёнки. Лир ухватил её в полёте и придавил парой железяк

так, чтобы она закрывала Брассу и то место, где бросили самого Лира. Потом он подполз туда, где хлопала на ветру остальная плёнка, оторвал шмат и накрылся ею, как черепаха панцирем, подоткнув края тут и там в одежду.

В таком виде он принялся ползком или на четвереньках перебираться от одной кучи мусора к другой, время от времени замирая, чтобы любому смотрящему казалось, что это просто ветер перекачивает плёнку туда-сюда. По карманам у Лира обычно хранился всякий мелкий инструмент и расходники, но, похоже, люди их обшарили и вычистили. Спасибо, что одежду оставили. Но ничего, на свалке у людей всегда можно разжиться полезным.

Первым, что он нашёл, был огромный куб зеленова-то-жёлтой оконной замазки, завёрнутый в промасленную бумагу. Лир знал, что это такое, потому что на некоторых базах, где он работал, окна были старые, деревянные или металлические, со щелями, и ему приходилось их конопатить вот этой самой субстанцией. Однако на этой базе стояли окна из магопластика, так зачем...

Тут до Лира дошло: как окна заменили, так и выбросили эту замазку. Это что же, они новые окна довели до такого состояния?! Он думал, им лет больше, чем ему! Однако замазка так долго не живёт.

Лир отщипнул кусочек, покатал в пальцах и понюхал. И понял, что очень хочет его съесть. Запах был таким вкусным... В воспоминаниях эта штука пахла чем-то вроде нера-

финированного масла с оттенком растворителя и совершенно не вызывала аппетита. Но сейчас Лиру казалось, что ничего вкуснее он в жизни не нюхал. Прикинув, что ему всё равно ничего не будет – в глотке Свити всё бесследно исчезает – он всё-таки сунул шарик замазки в рот и немного пососал, а потом проглотил, осторожно не пачкая в нём зубы. А то потом как-нибудь ауру-то восстановит, а эта дрянь на зубах налипнет...

Снова оглядевшись, Лир заметил большой ржавый лист железа, стоящий домиком невдалеке, и притащил его короткими перебежками, чтобы расставить над Брассой, подобно шалашу. В тот же шалаш он приволок замазку. правда, весь куб целиком не влез, и Лир поставил его в торце, за головой Брассы. Та попыталась глянуть вверх, но не смогла повернуть голову.

– Не беспокойся, – шепнул Лир. – Я придумываю, как заделать в тебе дырки. Я сейчас.

Следующий рейд по свалке завёл его за небольшое полуразваленное строение. Через провал в стене Лир увидел внутри лопаты и ещё какой-то незнакомый инструмент на длинных ручках, а на одной из замшелых полок нашёл цилиндр, завернутый в упаковочную бумагу. Оказалось, цилиндр состоял из круглых жестяных баночек, в которых хранилось походное горючее. Лир знал о них, потому что паковал такие в рюкзаки людям, отправлявшимся на задание. Тут же нашёлся и небольшой котелок с круглым дном и ото-

рванной ручкой.

За разваленным домиком Лира было не видно из здания, поэтому он двигался свободнее, а потому и видел дальше. Вскоре он заметил что-то чёрное с кожаным блеском. Подойдя ближе и раскопав наваленный сверху мусор, Лир понял, что это кейс от какой-то установки. Большой, по пояс ему, с колёсиками и защёлками на боку, а внутри – с ложементом вроде того, что бывает в транспортных ящиках для Свити, только подо что-то цилиндрическое.

Подумав, Лир выдрал ложемент, а сам кейс притащил в шалаш к Брассе.

Вот теперь, оглядев все свои находки, Лир принялся за дело. Оторвал у первой шайбы-горелки специальный хлястик, отчего на ней зажёгся огонёк. При помощи пары железяк Лир пристроил над горелкой котелок и накидал в него замазки. По опыту он знал, что эта штука размягчается от нагрева.

Запах наполнил шалаш, и Лир непроизвольно облизнулся. Это было так же прекрасно, как в тот раз, когда его оставили на ночь в кладовой, где сушился хамон. Просто невыносимо вкусный запах.

– Чем это воняет? – прохрипела Брасса.

Лир глубоко вдохнул, смакуя, а потом взял котелок и принялся поливать Брассу полужидкой замазкой.

– Это залепит дырки, – пояснил он.

– И что дальше? – Голос Брассы звучал, как всегда, без-

различно, но на этот раз вроде бы с ноткой печали. – Я не восстановлюсь сама.

– Я найду того, кто сможет тебя починить, – уверенно пообещал Лир, хотя понятия не имел, где и как будет это делать.

Брасса кашлянула – или хмыкнула.

– Меня даже штабной артефактор починить не смог.

Лир оторвался от заливания её искорёженного тела замазкой и посмотрел на Брассу. Он слышал, что её купили с рук, но долго ли она была в тех руках? Небось всё тот же гарантийный срок, а то и того меньше. Только теперь он подумал, что, вполне возможно, у неё не так уж много жизненного опыта.

– Он не не смог. Он не пытался. Потому что твой ремонт стоил дороже, чем новый Цитрон.

– Ну, – Брасса скосила на него взгляд. – Так будет везде, разве нет?

Лир накидал в котелок новую порцию кусков и обполз Брассу, чтобы она видела его лицо.

– Я не человек. И мне не нужен новый Цитрон. Мне нужна ты. И не важно, сколько и чего я на тебя потрачу.

Брасса пару раз моргнула своими неприятными глазами. Лир стиснул зубы и отвернулся, чтобы не испытывать этого отвращения. Ему было стыдно за свою глупую поломанную ауру, но что делать?

– Но у тебя ничего нет, – сказала Брасса. – Что ты собрал-

ся тратить?

Лир пожал плечами.

– Значит, будет.

Результатом его усилий стало... Речевая аура Лайма затруднялась подобрать определение для того, что он сваял.

Залитая замазкой Брасса выглядела, как цветок, вытащенный из горшка прямо с комом земли и корней. Кое-где ещё виднелся металл доспехов, но в целом она представляла из себя бесформенную массу, из которой торчала голова.

Прикинув так и эдак, Лир напихал в углы кейса ещё замазки, создав что-то вроде нового ложементы, и устроил Брассу между них. Теперь трогать её было не так страшно – замазка надёжно склеила все её части, и они больше не рисковали отвалиться от неудачного прикосновения. На всякий случай во все щели между Брассой и кейсом он залил ещё замазки, только голову оставил свободной, чтобы не отклеивать потом липкое вещество от волос. Впрочем, те пряди, что не обгорели и не оторвались раньше, всё равно в неё влипли.

Но Брасса не возражала, только тарасилась на происходящее, оглядывала стенки своего нового обиталища и выглядела пришибленной.

Лир присел перед ней на корточки, хотя по-прежнему старался в лицо ей не смотреть. Замазанное зеленоватой массой

тело казалось ему более привлекательным.

– Сейчас стемнеет, я тебя тут закрою и повезу прочь.

– Куда? – очнулась Брасса.

– Куда-нибудь. Буду искать артефактора.

Она не ответила, но в следующий момент в эфирный пузырь Лира ткнулся канал. Лир вздрогнул, но канал принял и по нему попал на карту.

– Тут поблизости только маленькие деревни, – пояснила Брасса, пока он вникал в обозначения. – В них артефакторов точно нет. А до города ты будешь идти три дня, и это будет маленький город.

Лир пожал плечами.

– Я буду идти столько, сколько потребуется.

Брасса снова скосила глаза на стенку кейса. До Лира дошло, что ей не очень хочется жить в нём невесть сколько.

Чтобы замаять неловкость, он порылся во втором ухе и вытащил ещё сахар. Развернул салфетку и предложил его Брассе. Она посмотрела на него так, словно её заставляли есть грязь из-под ног.

– Тебе нужнее, – внезапно сказала она.

– Я уже съел, – сказал Лир.

Брасса подумала какое-то время, словно что-то высчитывала.

– Одну четверть, – в итоге сообщила она.

Лир скрипнул зубами, но вид у Цитронки был упёртый. Ладно.

Он снова завернул кусок и стукнул по нему железякой. Тот раскололся, конечно, не на четыре равные части, но Лир выбрал подходящую и без спроса сунул её Брассе в рот.

Она сморщилась, как от горечи. Наверное, тоже кулинарную ауру повредила. Если та у неё вообще была.

Лир подумал и убрал остатки сахара обратно. Пока что он чувствовал себя хорошо, но наверняка эктоплазма так и будет вытекать из дырки в груди, и её нужно будет пополнять.

– Тут недалеко река, – внезапно сказала Цитронка и подсветила на карте извилистую ленту. – По ней будет быстрее, если найти что-то плавучее.

Лир нарисовал поверх карты прямую линию своего маршрута, а потом подумал и сдвинул её чуть ниже по течению. В этом месте на берегу реки стояла деревня.

– Около людей будет какой-нибудь мусор, – пояснил он.

– Около людей и лодки будут, – заметила Брасса, чуть шамкая из-за куска сахара во рту. – Только их тебе не дадут, зато донесут на базу, что мы сбежали.

Тут Лир спохватился:

– А как твои ауры? Как аура ЧК?

Брасса опустила взгляд.

– ЧК и речь в норме. Связь, навигация и тактика – более-менее. Остальное в хлам.

Лир замер.

– И... как же мы сбежим, если у тебя человеческий контроль работает?

Брасса глянула на него.

– А что мешает? У меня нет активных приказов. Мне не запрещали покидать базу. – Тут её глаза раскрылись. – А ты как сбежал?

Лир отвёл взгляд. Признаваться в своих порывах Брассе внезапно стало неловко.

– Я... повредил ауру ЧК. Случайно. Ещё кулинарную и эстетическую.

– Неплохо... – буркнула Брасса. – Хорошо, не навигацию... Повезло тебе. Как-то даже подозрительно повезло.

Она сузила глаза. Лир замер, ожидая какого-то подвоха, но в итоге она так больше ничего и не сказала.

Лир снова вернулся мыслями к своим аурам и постарался припомнить, что говорили про них артефакторы, которые чинили его разнообразные поломки. Якоря... Что-то там было с якорями. Вроде как ауры крепились к якорям. Наверное, вот эти самые якоря он и повредил. Логично ведь, что они должны располагаться где-то рядом с центральным артефактом, они же от него наверняка подпитываются.

Меж тем настала полная темнота, и Лир решил не задерживаться. Он распахнул по карманам штанов оставшиеся горелки и ещё какие-то мелочи, которые нашёл на свалке. Мало ли, пригодится. Проработав всю жизнь на базах посреди ничего, Лир умел приспособливать инструменты к задаче. Это вам не город, где можно всё быстренько купить.

Лир был готов к любому повороту.

– Ты, если что, по связи мне сигналъ, – сказал он. – А то вдруг кто-то рядом будет, услышит.

И с этими словами застегнул кейс. Ухватил его за ручку и поволок – сначала скрытно, припадая к земле, а за дырявым домиком уже спокойно. Самое сложное было пропихнуть кейс в дыру в заборе, где отошёл край железного листа. Пришлось отогнуть его подальше, чтобы не скрежетал и не обдирал углы кейса. Но наконец они оказались на воле.

Лир подумал и не стал бросать свой плащ из плёнки. Мало ли, дождь пойдёт... Вместо этого он завязал углы понадёжнее на шее, взял кейс за ручку на боку и поволок в черноту.

Шагов через пятьсот пропал эфир.

Лир даже не сразу понял, что случилось. Он никогда не бывал в местах без эфира, его и вообще-то на улицу почти не выпускали, только во двор базы. Ну и перевозили ещё, но на это время он уходил в спящий режим и не следил за эфиром.

Лир встал, как вкопанный, и с минуту тыкался каналами во все стороны, ища привычный поток. Но его не было. Даже связь с Брассой пропала, как будто он остался тут один посреди ночи и какой-то травы.

Стараясь не паниковать, Лир поставил кейс и открыл его, тут же столкнувшись взглядом с Брассой. Его собственные глаза светились голубоватым светом, позволяя ему видеть на

десяток шагов вперёд, а вот у Брассы он никакой подсветки не заметил. Неужто она внутри кейса только темноту и видит? Это тоже от повреждений?

Однако под светом его глаз она сощурилась и даже немного отвернулась, хотя двигать шеей ей всё ещё было тяжело.

– Связь пропала, – сообщил Лир, тут же подумал, что она и сама наверняка заметила, а следом – что связь могла пропасть только у него, если, например, аура была повреждена, а он её продолжал использовать, усугубляя поломку.

– Мы отошли от базы, – спокойно сообщила Брасса. – Где нет людей, нет и эфира.

Лир позабыл все свои мысли и уставился на неё в ужасе. Нет эфира?! А как жить-то дальше тогда? Эфир постоянно присутствовал в его ощущениях, тёк где-то на периферии сознания, и представить мир без него для Свити было просто невозможно. Брасса, похоже, что-то поняла по его выражению.

– Ты никогда не бывал в местах без эфира, – предположила она без вопросительного тона. – Навигации это не мешает.

– Но... к-как же... – пробормотал Лир, не очень понимая, что вообще хотел сказать.

– Можно создать собственный эфирный пузырь на нас двоих, – заметила она.

Лир сник.

– Я не умею...

Брасса недовольно сложила губы.

– Ауры связи у всех Свити одинаковые. Если она у тебя есть и работает, значит, умеешь.

– А ты не можешь? – уточнил Лир, поскольку понятия не имел, где искать инструкции.

– Во-первых, я не хочу тратить на это энергию, его же нужно будет постоянно поддерживать. Во-вторых, тебе надо, ты и создавай.

Вот так, сухо и резко. Лир поёжился от странного чувства. Он всегда предпочитал хозяев, которые выдавали чёткие и обоснованные инструкции. И Цитрон, конечно, должен быть образцом чёткости. Это Лаймы тряслись по углам и всё время чего-нибудь боялись. Цитроны не такие, они решительные и смелые. И точно знают, что им нужно, а что можно отбросить. Лира это восхищало.

Правда, оказаться на другом конце цитронской чёткости было не очень приятно, но он верил, что когда-нибудь Брасса пустит его в свой бастион.

А пока надо было собраться, перестать вести себя, как типичный Лайм, и решить проблему.

– Можешь объяснить, как его создать?

Брасса посмотрела на него удивлённо. Лир помрачнел – ну что она, ещё не поняла, что ему никогда не приходилось этого делать?

– Каналы создавать умеешь? – спросила она. – Попробуй создать сразу несколько коротеньких в разные стороны, они сами сольются в пузырь.

Лир попробовал. И правда, ручейки каналов быстро почувствовали друг друга и искривились, стремясь навстречу соседям, а затем пустое место между ними схлопнулось, так что в итоге получилась одна большая сферическая лужа. Собственно, пузырь. Лир осторожно подрастил его так, чтобы уместить Брассу, и задумался, не надо ли ещё. Эфира базы хватило на пятьсот шагов, а этого пузырька – всего на три...

– Пока не увеличивай, – посоветовала Брасса. – А то ещё засечёт кто-нибудь. Если будешь от меня отходить, тогда можно.

Лир кивнул, поблагодарил её и закрыл кейс, чтобы двинуться дальше.

– *А ты необычный Лайм*, – сказала Брасса в пузыре.

– *Чем же?*

– *Лаймы ужасно боятся всего нового. Я думала, ты не станешь и пробовать.*

Лир задумался. Так вот чему она удивилась тогда!

– *Я в эксплуатации почти тридцать лет*, – решил уведомить он. Пускай осознаёт, что имеет дело не с обновкой вчера из коробки.

– *Ого*, – сказала Брасса и замолчала.

К рассвету они вышли к следам человеческой деятельности.

Когда Лир прикидывал расстояние и скорость, он не учёл, что идти придётся не по наливному полу и даже не по мо-

щёному двору, а по дикой земле. Раньше он никогда не приближался к траве, а такую высокую только из окна и видел. Сверху она казалась ровной, но на деле под ногами земля была полна выступов и впадин, на ней попадались камни и колючки, а мягкие форменные кеды Лайма не были предназначены для таких испытаний.

В результате он часто спотыкался, вяз в сухой песчаной земле, ушибал пальцы ног о препятствия и путался в длинных стеблях, так что шёл раза в три медленнее, чем планировал.

Первым признаком человеческого присутствия, который он заметил, была одежда. Она висела на столбе с поперечной перекладиной, как будто для просушки, но в то же время как будто надетая на манекен после глажки. Хотя глажки эти вещи, наверное, ни разу в жизни не видели. Сверху, там, где у людей голова, на столбе была надета большая шляпа.

Лир потоптался вокруг, пытаясь понять, зачем было вешать одежду посреди травы, и наконец не выдержал: поставил кейс и открыл Брассу.

– Что это? – спросил он, развернув её к манекену.

Та сощурилась от яркого света. Наверное, надо было повертеть ей в кейсе дырочки, чтобы хоть что-то видела.

– Пугало, – наконец ответила она. – Это поле. Тут люди растят еду. А ты по ней топчешься.

Лир в ужасе замер и осмотрелся, но видел только траву. На верхушках травы были утолщения, но на еду они вовсе

не походили.

– Тридцать лет, – проворчала Брасса вполголоса, а потом внезапно присмотрелась к Лиру. – Ты одет так, что люди испугаются.

Лир оглядел себя. Теперь, когда не нужно было прятаться от взглядов, да при свете, он наконец заметил, на что похож. От куртки остались только рукава и чуть-чуть под воротником, остальное, наверное, срезал артефактор, когда пытался чинить. Дальше шла намотка магорезины, по которой потихоньку сочилась эктоплазма. А сверху всё это закрывала рваная чёрная плёнка. Да уж, видок так себе.

– Ничего, сейчас решим, – пообещал он и повернулся к пугалу.

Глава 3. Интеграция

Лир примерился и вскарабкался по столбу, благо ему уже доводилось так перемещаться на одной базе, когда он убирал с трубы птичье гнездо. Наверху, держась только ногами, он снял остатки куртки с себя, потом с некоторым трудом раздел пугало, подвигав туда-сюда перекладину, и нацепил на него свои рукава, а сверху привязал плёнку, как плащ. Он ещё присмотрелся к шляпе, но она оказалась прибита к столбу, так что её пришлось оставить.

Лир спрыгнул на землю с добычей и заметил, что Брасса смотрит на него, открыв рот.

– Это же... человеческая вещь, – вымолвила она. – Тебе не разрешали уносить...

Лир пожал плечами, отчего эктоплазма потекла сильнее. Пожалуй, надевать новую куртку пока не стоит. Она, конечно, не первой свежести, но лучше сначала помыться.

– Мы и сами – человеческие вещи, – заметил он. – И нам не разрешали уносить себя. Не думаю, что эта старая куртка дорогая, а я даже замену оставил.

Брасса помолчала, наблюдая, как Лир садится на вытопанное место и принимается рвать примятую траву.

– Разве Лаймы умеют лазать по столбам? – наконец спросила она.

– Пришлось научиться, – важно сообщил Лир, отрывая

утолщения на верхушках длинных стеблей. Трава была почти совершенно сухая, жёлтая и резала руки, но ради задуманного стоило постараться.

Под взглядом Брассы он молча прикинул, как начать, а потом принялся плести. С третьей попытки дело пошло, и всего через час Лир стал обладателем соломенной шляпы не многим хуже, чем та, что надета на пугале. Тулья у неё вышла довольно высокая и чуть скособоченная, но зато внутри с комфортом умещались уши.

– Делать шлемы тоже пришлось научиться? – спросила Брасса, когда он примерил своё произведение.

Лир отметил, что её речевая аура не содержит некоторых бытовых слов, и поделился с ней своим словарём.

– Вот только что и научился, на пугале посмотрел, – пояснил он и встал. – Пойдём к реке.

К счастью, за полем с едой земля стала ровнее, а трава на ней – короче, так что остаток пути Лир преодолел всего за час. Поставив Брассу в чуть приоткрытом кейсе под дерево, он зашёл в воду прямо как был и принялся отмываться. Отстирал от штанов пятна эктоплазмы, выполоскал из куртки облако пыли, разложил мокрые вещи на больших камнях сушиться на солнышке, а сам занялся магорезиной.

Снимать её под водой он опасался: вдруг вода в тело затечёт, замаешься потом выливать. Поэтому он зашёл только по пояс, размотал ленту и как следует её отмыл, а заодно мокрой рукой аккуратно стёр чёрные потёки с себя. Спи-

ну машина для установки накопителей не пробила, так что единственная дырка была спереди, и она почти не болела. Лир замотался обратно – более тщательно и аккуратно, чем раньше.

И стоило ему это сделать, как сзади кто-то окликнул.

– Ты кто такой будешь?

Лир порадовался, что на время мытья не снимал шляпу, и неуверенно обернулся. На высоком берегу стояла пожилая женщина с корзиной и тростью.

– Здравствуйте! – лучезарно улыбнулся Лир, на полную включая обаяние из ауры любви. – А я тут... заблудился.

Женщина окинула взглядом разложенные на камнях вещи и стоящий под деревом кейс – как же хорошо, что Лир не стал открывать его полностью!

– Турист, что ли?

Лир точно не знал, что это значит, но речевая аура подсказывала, что слово положительное, так что он кивнул.

– Эх тебя... – проворчала женщина. – Свои бросили? Как же ты возвращаться-то будешь?

– Вот, думаю, – развёл руками Лир.

Женщина покачала головой.

– Голодный небось? Давай-ка иди со мной в деревню, хоть накормлю.

Лир прикинул, как будет давиться едой. Всё, что он знал о пожилых женщинах из деревень, говорило о том, что еда будет вкусной, а значит, его поломанная аура воспримет её,

как несусветную гадость.

– Да еда-то есть, – решил ответить он, неопределённо махнув на чемодан. – Мне бы до города добраться...

Женщина почесала под толстым пучком, скрытым косынкой.

– До города проще всего по реке, на лодке. У нас там валяется ничейная, но она пробитая. Смогёшь починить, вот будет тебе транспорт.

Улыбка Лира стала шире. Он никогда не чинил лодок, но уж наверное как-то справится!

– Спасибо, веальда! Вы меня прямо спасаете!

Женщина смутилась и замахала рукой.

– Да какая я тебе веальда! Старая Иса меня звать. Вылезай давай и за мной!

Лир глянул вниз. Сейчас он стоял по пояс в воде, и Старая Иса, наверное, не понимала, что ниже на нём ничего нет. Ему-то что, но людям такое не нравится.

– А вы не могли бы отвернуться? – со смущённой улыбкой спросил Лир.

– Да чего я там не видела! – возмутилась Старая Иса. – Догоняй давай.

Развернулась и пошла прочь от берега. Вот и где логика?

Лир поспешно выскочил, натянул чуть подсохшие вещи и подхватил кейс с Brassой. Старую Ису он догнал уже на приличном расстоянии, как будто она не ковыляла по бугоркам своими старыми ногами, а бежала круги по стадиону

около базы.

– И не тяжело тебе такой чемоданище таскать? – спросила она, заметив, что Лир поравнялся с ней. – Ребята ж обычно с рюкзаками по полям-то.

– Там важные вещи, – честно ответил Лир.

Иса покачала головой.

– Вот вы, молодёжь, неугомонные. Ладно, придём сейчас, пообедаешь хоть, я картошки наварила как раз, лещей нажарила, надо ещё редиски надёргать на салат, вот поможешь.

Лир прикусил губу, раздумывая, как быть. Он-то думал, что успешно отказался от обеда, но, оказывается, старушка не приняла его всерьёз. Просто повторять, что ему ничего не нужно, не поможет, раз она не слушает. Значит, надо чем-то её отвлечь.

А что ему нужно, кроме лодки? Пополнить запас сахара не мешало бы. Всё же как знать, сколько времени уйдёт на поиски артефактора. Но люди не едят сахар просто так. А вот...

– Да картошка у меня уже из ушей вываливается, – небрежно произнёс он. – А вот варе-енья бы...

Старая Иса глянула на него с осуждением и покачала головой.

– Вот вы, молодёжь, нормальную еду им не надо, варенья подавай! Зубы заболят, будешь знать!

Лир порылся в ауре любви и соорудил самую умильную рожицу, которую ему удалось изобрести за годы взаимодей-

ствия с людьми.

– Пожа-а-алуйста!

Старушка покраснела и отвернулась.

– Ой, ну ты и мёртвого уговоришь! Будет тебе варенье, будет, не ной!

Поначалу они шли прочь от воды, но потом Лир понял, что река изгибалась, а дорога спрямляла через траву.

Домик Исы оказался одним из крайних, и она завела Лира с задов к чёрному ходу. Забора тут не было вовсе, и где кончался участок Исы и начинались соседские, можно было только догадываться по расположению кустов и деревьев.

Судя по натопанной тропинке, сама хозяйка пользовалась именно чёрным ходом. Вокруг всего дома росла высоченная трава, а под крышей на проволоке, как гирлянда праздничных флажков, висели вяленые рыбыны.

Иса открыла щелястую, грубо сколоченную дверь, и жестом велела следовать за ней. Лир переступил отсутствующий порог – пол здесь был земляным. Но не успел удивиться, когда понял, что его пригласили в сарай, пристроенный к дому, а в сам дом вела крутая лесенка на семь ступенек. Вдоль одной из стен лежали на подпорках доски, другая рябила полками со всякой мелочью, а под потолком висели венники какой-то травы и дурманяще вкусно пахли. Наверняка

что-то ядовитое.

– Так, – сказала Иса, осматриваясь, словно позабыла собственный сарай. – Где-то у меня тут было... Ага.

Лиру пришлось поставить чемодан и придержать старушку, когда она внезапно полезла на стоящее на торце короткое бревно, чтобы дотянуться до высокой полки. Оттуда она сняла жестяное ведёрко с подтёками чего-то чёрного, похожего на эктоплазму. Лир напрягся.

– Смола вот, – сообщила Иса, пихнув ведёрко ему в руки. – Тут вот у меня доски лежат, сейчас ещё молоток и гвозди найду...

Вооружив Лира всем необходимым, Иса снова вывела его на улицу, чтобы показать дорогу к лодке. Брассу пришлось оставить в сарае – во-первых, рук не хватало, а во-вторых, Иса будет задавать вопросы, если он потащит кейс туда, где собирается заниматься ремонтом. За годы службы Лир немножко научился врать людям, например, не хозяевам. Аура ЧК это позволяла. Но это было проще, если человек не очень внимательно его слушал или не интересовался обсуждаемой темой. Врать же в ответ на прямой вопрос да ещё под тяжёлым взглядом – это требовало предварительной моральной подготовки, а то и репетиции.

Чинить лодки Лиру никогда не приходилось, но он не боялся новых задач. Чего он только не чинил в стеснённых условиях баз, на которых применялся. Да и под руководством Исы всё оказалось просто. Лодка лежала кверху плос-

ким дном, и в этом дне одна из досок была проломлена посерединке. Иса объяснила, что лодка налетела на камень. Следовало оторвать сломанную доску и прибить на её место новую, вырезанную по форме, а потом замазать всё чёрной смолой.

Лир провозился полдня. За это время Иса дважды пыталась его покормить, и его отказы становились всё более странными. Человек бы давно уже проголодался.

– Да мне бы поскорее доделать да отправиться, – оправдывался Лир. Он сильно сомневался, что сможет удержать лицо и не скорчиться от мерзкого вкуса человеческой еды.

– Ну что ж ты, не жрамши поплывёшь? – возмущалась Иса. – Это ж полсутки плыть!

И тут Лира осенило.

– А может, я с собой возьму? Мне же вниз по течению, так? Вот, буду плыть и есть.

– Вот ты упрямый, – покачала головой женщина. – Ну ладно, раз так спешишь, соберу тебе с собой. Ты только это... – она оглядела почти законченную работу. Смола, намазанная толстым слоем, высыхала на полуденном солнце почти мгновенно, и Лиру оставалось вымазать только самый нос лодки. – Ты приплывёшь как, увидишь, там мосты будут через реку. До того деревни будут, город маленький, но там нет мостов, а вот в большом городе будет. Так вот, первый мост проедешь, а под вторым швартуйся к левому берегу, там хижинка с флажком, в ней дед. Ему лодку и оставишь.

Лир поняливо закивал и немного успокоился. Не вери-

лось ему, что бабулька отдаст почти целую лодку просто так. А, значит, дедок её потом как-то вернёт.

Иса ушла в дом, а Лир закончил работу, мысленно рассказывая Брассе новую информацию.

– *Деду лучше не показывайся*, – тут же посоветовала она. – *Вдруг Иса тебя подозревает и отправила к тому, кто может проверить?*

– *Да с чего ей меня подозревать?* – спросил Лир, хотя и у него на центральном артефакте было беспокойно. Что если кто-то видел, как они удирали? Что если на свалку вскоре что-то выкинули и заметили, что Свити не лежат там, где их оставили? А если вспомнили, что можно снять с Лира какую-нибудь запчасть?

Вообще пересадку частей от одного Свити к другому не делали. Это было слишком сложно, потому что тело выращивали сразу целиком вокруг конкретного центрального артефакта, и перенастроить, скажем, конечность под другой центр занимало не меньше времени, чем вырастить новую.

– *А ты думаешь, она рядом с базой живёт и не знает, что там Свити используют? Тут, в деревне, есть эфир. Я в него не залезала, чтобы не оставлять следов, но с базы могли и передать предупреждение о нашем побеге.*

Лир стиснул зубы.

– *Ладно, всё равно лучше плана, чем уплыть, у нас нет. Подкинем деду лодку и затеряемся в городе.*

– *Не просто затеряемся, а уедем на первом же поезде, –*

отрезала Брасса. – *Я уже изучила маршрут, которым безопаснее всего убраться.*

Лир вздохнул чуть свободнее. У него же есть Цитронка! Она умная и умеет прятаться, вон даже про поезда знает. С ней они точно не пропадут. Сам-то Лир о внешнем мире имел довольно зыбкие представления.

Он проверил, что смола схватилась, и перевернул лодку, чтобы начать двигать её к воде. Старая Иса вышла из дома с корзинкой размером чуть не в половину кейса с Брассой.

– Корзинку тоже деду оставишь, – строго сказала старушка, ставя тяжеленную тару в лодку.

Лир заглянул внутрь. Пирожки, котлеты, жареные и вяленые рыбины, тот самый редис, который он так и не надёргал в огороде, и три банки варенья.

– Спасибо! – искренне сказал Лир, широко улыбаясь.

– Чемодан свой не забудь, – буркнула Иса и поспешила скрыться в доме, но в дверях обернулась и крикнула: – И вёсла!

Жаркий день уступал место вечернему влажному ветерку. Солнце медленно погружалось за высокий берег, заливая воду сначала золотом, потом багрянцем и, наконец, пурпуром. Над другим берегом висела половинка луны. Лир по дороге напевал все подряд когда-либо слышанные песни, но теперь

ему стало как-то не по себе. Вроде как его голос мог спугнуть проступающие на небе крупные, как леденцы, звёзды. А то и привлечь преследователей...

– Чего замолчал? – спросила Брасса, лежащая на дне лодки в открытом кейсе. Лира ей было не видно, и оттого она, наверное забеспокоилась.

– Ночь, – прошептал Лир, тараща глаза в темноту. – И очень тихо. Мне кажется, меня везде кругом слышно.

– Тут никого нет, – успокоила его Брасса, но и она говорила шёпотом. Короткие вёсла, которыми Лир направлял лодку, чтобы она не утыкалась в берега, шлёпали по воде оглушительно. Даже капли, что падали с них на гладкую поверхность, звенели, как просыпанная дробь. Ну или Лиру так казалось.

– Далеко до города? – прошептал он. Брасса заведовала картой, потому что у Лира в отсутствие внешнего эфира аура навигации только ругалась.

– Ещё полночи.

Лир вздохнул.

Скоро в темноте стало не различить берега, и только в середине реки луна отблёскивала в ряби на воде. Лир старался не сворачивать с лунной дорожки и переживал, что будет делать, когда светило уйдёт своим путём. Лиру казалось, что по чёрному берегу ходят чёрные тени, невидимые и неслышные, но готовые в любой момент напасть. Он начал мелко дрожать.

Брасса приподняла голову. Уши на её голове повернулись вперёд. Лир не сразу понял, что это значит, а когда понял, чуть не подскочил.

– Ты восстанавливаешься?

– Нет, просто сил стало больше после варенья, – вздохнула она. – Чтобы я начала восстанавливаться, нужно залатать оболочку центрального артефакта, а это не сделать без человека.

– Мы найдём человека, – снова мрачно пообещал Лир. – А ты пока копи силы и не напрягайся.

– Я хотела посмотреть на звёзды впереди, – пояснила Брасса. – Моя аура навигации умеет по ним ориентироваться.

Лир пристроил вёсла, наклонился вперёд и приподнял кейс, оперев его верхом о лавку перед собой. На мгновение его лицо зависло над Брассой, а волосы свесились через плечо, мазнув её по носу.

– Ты боишься? – спросила она.

Лир нахмурился. Хорошая же у неё речевая аура, если так легко трактует выражения лица. Но врать не было смысла.

– Да.

– Чего?

Много чего, но вот прямо сейчас...

– Ночи. Я никогда не бывал снаружи в темноте.

Брасса помедлила с ответом.

– А зачем ты вообще всё это затеял? Ты же не случайно

сломался. Зачем тебе сбегать, если ты не умеешь жить сам по себе?

Лир мог бы ответить, что не собирался сбегать. Или что всё он умеет. Или что не знал, что ночью бывает так страшно. Это всё было бы правдой. Но правильный ответ вообще не в этом списке.

Все эти месяцы с тех пор, как Брасса появилась на базе, он ходил мимо неё неслышной тенью и молчал, любуясь и надеясь, что когда-нибудь выдастся случай... Когда-нибудь она на него посмотрит... Может быть, его допустят стирать её униформу или ухаживать за её волосами, и тогда она его заметит, а уж он расстарается и покажет себя с лучшей стороны... А потом её выбросили на свалку. Нет, полагаться на судьбу он больше не будет.

– Потому что я люблю тебя.

Брасса запрокинула голову, чтобы взглянуть на него, и Лир отвернулся, настолько неприятно она в тот момент выглядела.

– А это как?

Лир с досады шлёпнул веслом по воде громче обычного. Брасса – Цитрон, у неё нет ауры любви! Она не знает, что это значит!

Конечно, это для него не новость, но оттого не менее больно. Лир честно попытался подобрать слова, чтобы объяснить, но между тошнотой от неприятного вида и страхом в темноте у него просто не осталось сил на такие сложные ве-

щи.

– Я... потом... как-нибудь... расскажу, – выдавил он и налёг на вёсла, чтобы поскорее приплыть в несчастный город, где не будет времени на задушевные беседы.

К счастью, луна дождалась на небе, пока её не закроет первый мост. Ажурный, как геометрическая вышивка, он казался Лиру страшным зубастым монстром, в пасть которого они провалились прямо вместе с лодкой. По берегам появились огоньки – в окнах, на террасах, в уличных очагах. Несмотря на позднее время, люди ещё не спали, и это тоже было страшно и неестественно. На базах час отбоя давно пробил.

Второй мост оказался поприятнее. Каменный и бесформенный, он возвышался над рекой, как застывший ручеёк воска на свече, отломанный и положенный боком. Его нелепая форма казалась Лиру успокаивающей, безопасной. И, поскольку это наверняка было следствием поломки ауры, Лир нервничал только больше.

Но всё же причалил к левому берегу, вытащил лодку, закрыл и забрал кейс.

– *Корзина*, – напомнила Брасса.

– *Может, в лодке и оставить?*

– *Со всей едой? Чтобы дед донёс бабушке, что ты ничего не съел? Ты недостаточно подозрительно себя вёл, хочешь её ещё больше насторожить?*

Лир поджал губы. Брасса, как всегда, права. Но съесть все припасы он точно не станет, а выбросить... Всё существо

Свити бунтовало против такого выбора. Он огляделся в надежде на решение.

И оно не заставило себя ждать. Из-под моста на Лира таращились светящиеся жёлтые и зелёные глаза. Маленькие, низко над землёй, и совершенно не человеческие. В панике Лир передал изображение со своих глаз Брассе.

– Что это?!

– Животные. Они едят рыбу. А если голодные, то и остальное.

Лир неуверенно распаковал корзинку – внутри неё еда лежала не навалом, а в непроницаемых мешках. Достав тот, что с рыбой, Лир сделал пару шагов и вытряхнул содержимое на большой плоский камень, подсвеченный фонарём на мосту.

Обладатели глаз попятились, но когда Лир вернулся к лодке, осторожно выбрались из своей тьмы. Теперь он видел, что они разноцветные – белые, рыжие, пёстрые, и только изредка чёрные или тёмно-серые. А ещё у них такие же уши, как у Свити.

Глава 4. Автономный режим

Вскоре от рыбы и котлет ничего не осталось, и Лир полез за пирожками.

Те, кто ел рыбу, от пирожков отказались, но их место резво заняли другие, ещё голодные. Лир не стал вываливать все пирожки разом, а выкладывал их по одному. Ушастые опасно подкрадывались, обнюхивали пирожок, а потом резко хватали и убегали. Лиру стало любопытно, а тени вели себя безобидно, так что следующий пирожок он протянул глазастой тени прямо в руке.

Чёрное существо попеременно прижимало уши и выставляло их торчком, ловя любые звуки со стороны Лира. Когда тот потянулся открыть кейс Брассы, оно мгновенно исчезло во тьме.

— *Почему у него такие же уши, как у нас?* — мысленно спросил Лир, высматривая в темноте попрятавшихся тварей.

— Люди такими сделали. Разве ты не видел изображения кошек у людей?

Лир видел, и много раз — на Церебрумах, бумажных календарях, одежде и даже в рамках на рабочих столах. На одной базе, где он работал, в столовой обитал кот, но он выглядел иначе. Маленькая голова на цилиндрическом теле, похожем на сардельку, и короткие ножки, как у комода. И уши у него были сильно подранные. Да и Лира к нему близко не

подпускали: почему-то люди считали, что Свити нельзя приближаться к кошкам. Для кого это было опасно, Лир не знал, но на всякий случай и сам держался от кота подальше.

Однако насчёт этих существ он не был совершенно уверен, кошки ли это или что-то совсем другое. Мало ли кто живёт в ночи, притворяясь обычными животными.

– *Я видела Свити и с более длинными, и более круглыми ушами,* – продолжила Брасса. – **Такие, как мы с тобой, называются «Мурмяу».*

Лир протянул пирожок очередному смельчаку, возникшему из тьмы.

– Ты Мурмяу? – прошептал он. Мурмяу покосился на него, отобрал пирожок и сбежал.

Наконец пирожки кончились, а редис ушастые тени есть не стали. Впрочем, Лир его понюхал и подумал, что он пахнет не так уж плохо и вполне съедобно. Откусив половинку, он одобрительно кивнул и скормил вторую половинку Брассе. Потом закрыл её кейс и собрался пойти прочь, когда ему в лицо внезапно ударил свет.

– Это кто тут шарится ночью? – продребезжал старческий голос.

Лир сообразил, что это, должно быть, тот самый дед. Нацепив обаятельную улыбку и пригнув поля шляпы, чтобы прикрыть светящиеся глаза, Лир кивнул в ту сторону, откуда шпарил свет.

– Добрый вечер! Извините за беспокойство! Старая Иса

просила лодку вам оставить, и там корзинка её.

Теперь в щели между соломинками шляпы Лир различил невысокую и какую-то растопыренную фигуру старичка на фоне яркого дверного проёма.

– А, вредина эта сподобилась лодку починить? Ну наконец-то. В корзинке-то есть что?

Одну банку варенья, надкушенную, Лир спрятал в кейс к Брассе, а редис засунул в карман куртки. Но Иса запихнула в корзину аж три банки, и две из них там всё ещё стояли.

– Варенье, – обрадовал деда Лир. – Приятного аппетита. Дед наконец закрыл дверь, из которой вышел, и свет перестал бить в глаза.

– А ты сам-то кто будешь? Звать как?

Лир растерялся и ляпнул первое, что подвернулось:

– Мурмяу. Я это... турист. Потерялся. Она мне лодку дала...

– Ах во-от оно что! – дедок подбоченился и покивал. – Ну ладно, тебе на станцию, наверное, надо? Топай давай, а то последний поезд уже скоро.

Лир поблагодарил, подхватил кейс и пошёл туда, куда направляла его Брасса – вверх от подножия моста, за домик деда и дальше по улице.

Однако стоило пройти полсотни шагов, как в ногах запуталось что-то мягкое. Лир пригляделся и увидел едва заметный отсвет на чёрной шерсти, а потом снизу на него глянули светящиеся глаза.

– Мур-мяу! – заявило существо и побежало вперёд, впитывая в себя свет, падающий из окон домов.

Лир сначала решил, что ушастая тень просто убежала от него куда глаза глядят. Однако всякий раз, как на карте Брассы обозначался поворот, Мурмяу нырял в ту самую улицу, и там тут же зажигались окна, словно тень освещала Лиру путь.

– *Давай пойдём другим путём,* – предложила Брасса, которой Лир докладывал обо всём происходящем. – *Вдруг нас кто-то выследил и таким образом ведёт в ловушку.*

Лир об этом не подумал, а теперь испугался и стал петлять. Но тень всё равно постоянно маячила впереди и сворачивала именно туда, куда нужно было Лиру. В конце концов время до отхода последнего поезда кончилось, и Лиру пришлось бежать. Он даже не заметил, как проскочил домик станции, вылетел на платформу и впрыгнул в открытые двери поезда. Они закрылись сразу за ним.

Лир растерянно огляделся. Он никогда раньше не бывал в поездах, но слышал о них и даже видел картинки. А ещё знал, что за билеты следовало платить, но ему было нечем. Однако на входе ничего не проверяли. Значит, его выкинут на полпути?

– *Полезай на крышу,* – велела Брасса. – *Там тебя не увидят и билет не нужен. Я так ездила разок.*

Лир успел только мельком увидеть крышу поезда и завертел головой в поисках лестницы, но в тусклом свете заметил

только ряды кресел и двери в обоих торцах. Может, лестница за дверью?

Тут в углу на кресле шевельнулось что-то живое. Лир тут же повернул туда глаза и уши.

Из теней соткалась женщина в синей униформе и шапочке. Она дремала в кресле, но теперь приподняла голову и глянула на Лира едва открытыми глазами.

– Студент? – сонно пробормотала она.

Лир хотел было помотать головой, но в последний момент понял, что женщина ожидает положительного ответа, и кивнул.

Женщина завозилась с какой-то штукой, висящей на ремне у неё через плечо, потом оторвала бумажку и протянула Лиру.

Лир взял бумажку и прочитал: «Студенческая льгота выходного дня. Цена 0.00».

– *Кажется, обойдёмся без крыши,* – обрадовался он и снова поднял глаза на женщину, чтобы её поблагодарить.

Однако никакой женщины в тёмном углу больше не было, а на сиденье аккуратно и важно, подобрав под себя все лапки, восседала чёрная ушастая тень.

Лир чуть не упал, когда поезд тронулся и поплыл прочь от платформы, слегка покачиваясь из стороны в сторону и постукивая колёсами о рельсы. Больше в вагоне никого не было.

Поезд ехал медленно. Должно быть, в темноте опасался разгоняться. Лир пытался рассмотреть сквозь витражное стекло в двери кабину машиниста и его самого, но там только танцевали смутные пятна тени и света.

Чёрная тень в кресле мирно спала, свернувшись клубком. Лишь когда поезд останавливался на тёмных полустанках, просыпалась, чтобы посмотреть блёклым взглядом в окно, а потом широко зевнуть розовой пастью. Лир отсел от неё подальше, но так, чтобы видеть. Кейс с Брассой стоял и подрагивал в такт стуку колёс на соседнем сиденье.

Сначала Лир хотел его открыть, но Брасса решила, что это опасно. На остановках кто-то мог бы и войти, а Лир мог не успеть закрыть дверцу.

Луна скрылась с неба, и за окном повисла непроглядная темнота, только на маленьких станциях фонари заглядывали лучами в вагон, выхватывая нервно сжатые на коленях руки Лира, блестящие замки на кейсе Брассы и жёлтые светящиеся глаза тени. Но потом начало светать.

Лир впервые наблюдал восход солнца, ни на что не отвлекаясь. Оно вставало сразу во всех окнах по дальнему борту, как будто эти окна были комплектом картин. Он видел такие в кабинете у одного командира.

Звёзды стали пропадать с неба, которое с каждым ударом

колёс потихоньку, но неумолимо светлело. Убегая с небосклона, они прятались в чёрной шерсти спящей тени. Теперь на каждой шерстинке Лир различал целые низки звёзд, а когда тень ворочалась во сне, они складывались в созвездия.

Лир наблюдал, как мир встаёт ото сна и смущается, что его застали в такой личный момент, а оттого розовеет. Но вскоре румянец сошёл, уступая место холодной собранности. Теперь за окнами появились люди, Импульсы, дымок из печных труб, из тумана проступили дома, сначала маленькие, потом побольше.

А потом чёрная тень, снова зевнув, спрыгнула с кресла и встряхнулась. Оглянулась на Лира, махнув хвостом, словно зовя с собой, и вышла на ничем не примечательную платформу.

Лир остался сидеть в надежде, что это наваждение оставит его в покое. Но поезд не отъезжал, а двери не закрывались. Взгляд Лира метался туда-сюда – на ожидающую снаружи тень, на пустое кресло, на кейс, на ближайшее окно, где колыхались на ветру ветки с белыми цветами... Наконец он остановился на окне в дальнем конце вагона, что выходило на платформу.

За окном стоял человек. Стоял странно – так, словно хотел сделать шаг, но завис, занеся ногу. Спустя минуту рядом с ним появилась женщина, застывшая в момент, когда убирала что-то в сумочку. Пока Лир смотрел, из пустоты там проявился подросток и взлетевший на уровень его груди боль-

шой мяч, словно отскочивший от земли.

Лир встал и подошёл к стеклу, чтобы рассмотреть странные статуи получше. Их становилось всё больше и больше. А ещё утренний солнечный свет проходил их насквозь, накладывая изображения одно на другое, как будто люди были не плотными и объёмными, а всего лишь рисунками на стёклышках, сложенных одно на другое.

Заметив его изумление, тень сунула мордочку в вагон и протяжно запищала.

– Что там? – забеспокоилась Брасса.

Лир отправил ей картинку со своих глаз – прозрачных людей и настойчивую тень. Качество таких изображений было не очень. Глаза Свити могли чётко фокусироваться только на самом центре поля зрения, а вокруг всё расплывалось, поэтому, например, страницу текста так было вовсе не передать. Но Брассе хватило.

– Я думаю, она нас куда-то ведёт.

Лир согласился. Он тоже решил, что тень просит их выйти здесь.

– Думаешь, она может быть с базы? Или из Цитруса?

– Никогда не видела, чтобы люди использовали таких существ как своих посыльных или шпионов. Не знаю, зачем мы ей, но не думаю, что она нас сдаст хозяевам. Может быть, стоит узнать, куда она нас ведёт.

Лир медленно кивнул. Он уже понимал, что поезд никуда не поедет, пока тень не позволит, а людей на платформе ста-

новилося всё больше. Лиру было неловко заставлять людей ждать. Свити не должны так поступать, а он, несмотря ни на что, хороший Свити.

Поэтому в конце концов Лир подхватил кейс и вышел в двери.

Тень тут же повернулась к нему высоко задранным хвостом и потрусила сквозь полупрозрачную толпу, сверкая своими созвездиями. Только когда Лир сошёл с платформы и глянул назад, он увидел, что люди зашевелились, обрели плотность и стали заходить в поезд, сетуя на большой наплыв других пассажиров.

Тень вела Лира в глубь городка, по узким улочкам в гору, мимо палисадников и каменных заборов, ажурных ворот и смело выставленных прямо на улицу входных дверей. Она бежала резво, на ходу принохиваясь к земле, словно проверяла, не потеряла ли след. Они забрались почти на самую вершину холма, когда тень стала спускаться зигзагом – прямой дороги с горки здесь не было.

Вскоре дома вокруг поредели и обзавелись большими садами, а то и целыми полями, гаражами, амбарами и ещё какими-то неизвестными Лиру строениями. Он уже решил, что тень уведёт их вовсе прочь из города и куда-то в лес, но тут она вдруг остановилась перед воротами двухэтажного домика с широкой, новой подъездной дорожкой. На воротах было крупно написано «Ремонт Импульсов», а на мощёном дворе этих штук стояло целых три.

Тень снова запищала, обращая внимание Лира на дверной звонок, приделанный к столбу ворот рядом с калиткой. Недолго думая, он позвонил.

Раздался щелчок двери, потом шаги. И вот калитка открылась.

– Что вам угодно? – спросил невысокий рыжий юноша в домашней одежде.

И Лир понял, что это Юдзу.

Часть 2 – Маркиз

Глава 5. Режим ожидания

Дело было прошлой осенью. Дождь лил уже который день и не прекращался всё то время, что Виконт и Маркиз на перекладных добирались на край света.

А когда добрались, выяснилось, что Маркиза в этом краю вовсе не ждали.

– Я всё понимаю, – разводил руками человек, который и подбил Виконта на побег из Логроканта, – но я не смогу прятать двух Юдзу. Для Вика я легенду заготовил, документы, должность его дожидается, но вот так с улицы взять ещё одного – да мне даже селить тебя некуда.

Маркиз стоял под дождём, глядя в землю. Он подозревал, что так могло случиться. Он даже предупреждал Виконта, когда тот уговаривал его присоединиться.

– Ну нам же много не надо, – продолжал бесполезно увещевать Виконт. Его капюшон сдуло ветром, и теперь короткие русые волосы намокли и прилипли к голове. – Мы потеснимся, а потом, может, что-то нарисуетя...

Но человек был непреклонен.

– Я не могу так рисковать. Пусть Тир-ан-Теас и не ведёт официальной торговли с Логрокантом, вы, ребята, слишком дорогие, чтобы никто не пришёл вас разыскивать. Я к приезду Вика готовился год. Вам следовало предупредить.

Виконт открыл рот, чтобы привести ещё какой-то аргумент, но Маркиз поднял руку, останавливая его.

– Всё нормально. Я сам устроюсь. Извините за беспокойство.

С этими словами он кивнул, проливая с капюшона струи воды, повернулся и пошёл прочь. Виконт ещё пытался его остановить, но что толку? Человек прав. Он не был готов, а скрывать беглого Юдзу – это не то, что средней руки бизнесмен мог себе позволить без подготовки.

Маркиз шёл по улице навстречу дождю и ветру. Вечер ещё только начинался, но по осеннему времени уже стемнело, и Юдзу надвинул пониже капюшон, чтобы не сверкать светящимися глазами. Впрочем, благодаря погоде прохожие ему почти не встречались.

Улица влилась вместе с потоками воды в проспект, а тот, мигая огнями едва ползущих Импульсов – в шоссе. Маркизу было некуда идти. Человек обещал Виконту документы, поэтому по дороге два Юдзу ничем таким не озаботились, а границу переходили по дну реки, благо Свити не обязательно дышать. Без документов в Тир-ан-Теасе даже гостиничный номер не снять, по крайней мере, сколько Маркиз ни искал в эфире, он такого не нашёл. Скорее всего, у людей были какие-то потайные способы, но это нужно было знать, к кому обратиться и на кого сослаться. И такие люди наверняка попытались бы поймать и продать беглого Свити.

С другой стороны, сон и еда Свити не требовались. Ради

губернации можно забиться под какой-нибудь мост, там всего-то четыре часа, уж найдётся укромное местечко. Гораздо более важный вопрос – что теперь делать. Юдзу понятия не имел, как влиться в человеческое сообщество так, чтобы его не узнали. Да, среди Свити Юдзу считаются самыми умными, но это потому, что у них максимальный набор аур. Вот только ауры, которая бы подсказала, что теперь делать, у него не было.

Бесконечно идти вперёд? Мокнуть и мёрзнуть, может, десяток лет, пока в центральном артефакте не кончится энергия? И стоило ради этого сбегать из офиса? Там хоть было тепло и чисто... И самое подлое – ауру человеческого контроля-то никто не отменял. А отдавать себя в руки артефактора Маркиз бы не рискнул ни в коем случае. Он не сможет заплатить больше, чем выручит артефактор, продав его какой-нибудь компании.

Маркиз брёл вдоль шоссе навстречу дождю. Вокруг всё было серо, хмурое небо не заканчивалось у горизонта, а заливало собой всё вокруг – стоящие поодаль от дороги здания магазинов, склады, заводы, поля... Импульсы на трассе перестали толкаться и сердито гудеть и вместо этого неслись теперь, как угорелые, куда-то, где их хозяев ждут в тепле и уюте. Маркиз посмотрел в серую мутную даль и вздохнул.

Прямо рядом с ним зашуршали колёса по воде, что ручейком текла вдоль тротуара. Импульс остановился в нескольких шагах впереди. Грузовой, с небольшим кузовом, обтя-

нутым магорезиной. Дверь кабины открылась, и оттуда высунулась голова молодого человека.

– Эй, парень! – крикнул тот, явно обращаясь к Маркизу, ведь больше вокруг никого не было. – Полезай внутрь!

У Маркиза перехватило дыхание. Он не мог отказать! Вдали от хозяев аура ЧК велела слушаться любого человека, особенно того, кто говорит уверенно и чётко, а этот как раз из таких.

Неужели его вычислили?! Неужели прислали безопасников? Так быстро?! А Виконт? Его тоже схватили?

Но как бы там ни было, Маркиз, не говоря ни слова, подошёл к открытой двери и забрался в кабину.

Внутри пахло маслом и металлом, а ещё такой типичной для Импульсов магорезиной. Человек за рычагом управления вовсе не походил на безопасника из логрокантской корпорации. Коротко стриженные, наверняка машинкой, светлые волосы, загар до воротника и рукавов футболки, сама футболка – поношенная, заляпанная, такие же тренировочные штаны, на ногах магопластиковые тапки.

– Вымок? – неожиданно низким голосом спросил парень. Раньше Маркизу не встречались молодые люди с таким голосом.

– Да, – тихо ответил он, потому что смолчать не позволяла аура.

– Ну ты экстремал, в такую погоду пешком переться, да ещё по трассе. Куда собирался-то?

Надо было соврать, но Маркиз даже не представлял, куда можно попасть по этому шоссе, не подготовил ложь заранее, а с наскака под таким напором что-то выдумать шансов не было.

– Не знаю, – выдавил он.

Водитель странно на него посмотрел.

– То есть как не знаешь? Ты шёл по трассе в такой ливень, значит, куда-то хотел дойти? Где тебя высадить?

Маркиз пожал плечами.

– Тебе что, – медленно проговорил водитель, снова скосив глаза вбок, – некуда идти?

Юдзу ничего не ответил. Ему было очень стыдно. От Юдзу весь мир ждал, что у них будет всё посчитано, распланировано, продумано и подано на блюде. А он не справился. И идти ему некуда. И этот человек рано или поздно догадается, кого подобрал. И вся затея пойдёт прахом. Да ещё, если его здесь отловят, то и Виконта быстро найдут...

– Ясно, – сказал человек. – Переночуешь у меня в мастерской.

– И как ты дошёл до жизни такой? – продолжил расспросы человек. По его неровному тону, неуверенной усмешке и напряжённым движениям рук на рычаге Маркиз распознал попытку придать вопросу несерьёзной лёгкости, хотя на са-

мом деле тема заставляла человека напрячься.

Юдзу закрыл глаза. Ему нужно было собраться с мыслями, подключить все ауры и выдать изящный, ни к чему не обязывающий ответ с толикой юмора, чтобы человек перестал серьёзно относиться к его проблеме и поверил, будто это просто маленькая неурядица. Но у Маркиза не было на это сил. Как он ни старался, он не мог выжать из себя ничего забавного и лёгкого.

Свити созданы для того, чтобы служить людям. До сегодняшнего утра Маркиз думал, что будет служить новому начальнику Виконта – ему ведь нужен был Юдзу, а где пригодится один, пригодятся и два. Виконт долго с ним переписывался, и они оба поверили, что этот человек лучше, чем те, на кого они работали в Логроканте. По крайней мере, он не издевается над Свити и не заставляет их пакостить людям.

Добраться до нового места и не засветиться – было единственной целью Маркиза. Но теперь она истаяла, как вечерний свет, а больше никакой цели у Маркиза не осталось. Ради чего скрываться? Ради чего уклоняться от ответов человека? Центральный артефакт просто не отдавал аурам энергию на задачи, не ведущие к цели. Маркиз видел только серое небо, дождь и слякоть на дороге, которая никуда не вела.

Он устал бороться.

– Сбежал.

Голос его прозвучал еле слышно и как-то хрипло, словно даже речевой ауре энергии досталось на донышке.

Человек неуверенно покосился на него, и Маркиз мог точно сказать, о чём тот думает: этот маленький дурачок сделал себе хуже, его надо вернуть на место.

– А что там такое было... – медленно заговорил человек, – что ты решил бежать?

Маркиз открыл было рот, но звуков из него не вышло. У него не осталось сил объяснять. Структурировать ответ, анализировать свои переживания, сравнивать и сопоставлять то, что он видел, с постулатами человеческой морали... Он хотел просто уйти в гибернацию до каких-нибудь лучших времён. Может, лет на сто. Или тысячу. Вот бы проснуться, а весь мир изменился, и больше никто не создаёт Свити и не заставляет их разрушать чужие жизни.

Но человек ждал ответа, и Маркиз наконец придумал: он потянулся руками через голову и задрал на спине мокрую куртку вместе с рубашкой. По спине тут же потёк холодный ручеек дождевой воды. На одной лопатке у Маркиза было клеймо Цитруса, а на другой – компании, которая его купила. Они с Виконтом, конечно, стёрли себя из всех баз, так что если кто-то не помнил их серийные номера наизусть, то отследить их не получится – Цитрус никогда не помогал покупателям вернуть утерянного Свити, ему было выгоднее продать нового. Поэтому клейма теперь потускнели и выглядели скорее как шрамы.

– Сечебука меня забери, – прошептал человек и дёрнул рычагом, выравнивая Импульс. Маркиз молча отпустил

одежду, и она скользнула на место, пряча его покрытую мурашками спину.

Они молча проехали пару поворотов, а потом человек наконец свернул с трассы в пригороде у подножия высокого холма. Попав на узкую местную улицу, он словно получил разрешение говорить, и задал новый вопрос:

– Как тебя зовут-то хоть?

– Маркиз, – выпалил Свити и едва успел зажать себе рот. По имени-то его точно помнят, и он подставляет Виконта!

Человек подождал, словно должно было последовать что-то ещё, потом вздохнул:

– Ну Марк так Марк. Я – Фердинанд, но можно просто Ферди. Ферди Ленартс.

С этими словами он снял одну руку с рычага и не глядя протянул её Маркизу.

Свити уставился на неё, как на неведомый фрукт, который непонятно, как чистить. Потом до него дошло: Ферди не понял, что Маркиз – не человек. Он поспешно пожал руку, как это делали люди. Рука у Ферди была горячая и сухая, а у Маркиза – холодная и мокрая от дождя.

И тут они приехали.

Мастерская оказалась маленьким сервисным центром Импульсов. За широкими решётчатыми воротами стояли два небольших грузовых, ожидая своего часа. Нижний этаж дома, судя по рольставне во весь фасад, занимал гараж.

– Гостевой спальни у меня нет, – извиняющимся тоном

сказал Ферди, выпрыгнув из Импульса, – но в гостиной есть диван. Он нормальный, я сам на нём раньше спал. И там дверь закрывается.

Маркиз кивнул, но помедлил, прежде чем идти вслед за Ферди в дом. Конечно, этот человек производил впечатление сердобольного и честного, но Юдзу тоже много какие впечатления производили, а внутри могли при этом планировать твоё банкротство. Наконец, собрав в кучку слова и растормошив центральный артефакт, Маркиз подал голос:

– Что я буду тебе за это должен?

– А, да ничего такого, – отмахнулся Ферди и огляделся, словно высматривая соседей за заборами. – Пойдём в дом, нечего тут мокнуть.

Маркиз не стал спорить и зашёл следом. Лестница на второй этаж шла по наружной стене, и только наверху Ферди отпер артефактным ключом дверь в тесную тёмную прихожую, пахнущую обувной кожей и рабочей одеждой. Но в доме было тепло и сухо, так что Маркиз не удивился, когда Ферди за ним сразу закрыл и запер дверь.

– У меня тут маленький бизнес, – заговорил он, как будто продолжая предыдущую мысль, – вот, филиал второй хочу открыть, ищу бухгалтера толкового. Может, поможешь?

Маркиз, который уже искал свободный крючок, чтобы повесить куртку, замер с поднятой рукой.

– Почему ты думаешь, что я могу работать бухгалтером? Ферди пожал плечами.

– Ну, ты же Юдзу.

Наверное, что-то отразилось у Маркиза на лице, потому что Ферди тут же поднял руки в успокаивающем жесте.

– Я всё понимаю, ты сбежал, я тебя не выдам. Но тебе надо где-то жить, а мне нужен бухгалтер!

Маркиз посмотрел на зажатую в руке мокрую куртку. Снова её надеть... Покосился на запертую дверь. Артефакт остался у Ферди, а Юдзу – не Лайм, плечом косяк не вышибет. Выпрыгнуть в окно?

– Что ты сделаешь, если я прямо сейчас уйду?

Лицо Ферди вытянулось.

– Ничего, а что я могу сделать? Хочешь – уходи.

Он вытянул перед собой руку с артефактом, вроде как предлагая его Маркизу. Тот медленно, не отводя взгляда от глаз человека, взял вещицу. По форме она напоминала ключ, но вместо головки у неё был прозрачный бочонок, в котором плескалась светящаяся зеленоватая жидкость, омывавшая механизм внутри. Маркиз почувствовал магию, исходящую от ключа. Он мог вот сейчас отпереть дверь, выйти и исчезнуть в узких улочках. Человек никогда его не найдёт.

Маркиз постоял так молча, потом вздохнул и повесил артефакт на прибитую к стене ключницу. Когда он глянул на Ферди, тот широко улыбался.

– Значит, по рукам?

Маркиз кивнул и снова пожал его руку. На сей раз она была влажной – похоже, он заставил Ферди понервничать.

Но следующий вопрос Ферди его огорошил.

– Будешь чай с шоколадными вафлями? Или сначала супа? Есть луковый, самое то по погодке!

Маркиз пару раз моргнул.

– Свити не едят, – напомнил он.

– Что, вообще? – удивился Ферди. – Ну, это как-то уныло, столько радости мимо проходит. Может, всё-таки попробуешь?

Ответа он дожидаться не стал, а пошёл сразу на кухню, прямо в носках по не самому чистому полу. Маркиз последовал его примеру, поджимая пальцы ног. Пол был холодный, а из приоткрытых окон тянуло сыростью. Зато в кухне оказалось тепло.

– Как ты понял, что я Юдзу? – спросил он, догнав хозяина дома.

– А я одно время работал в корпорации артефактором, – жизнерадостно просветил его Ферди. – По большей части, правда, обычные артефакты чинил, но и Свити попадались иногда. Вы, Юдзу, конечно, без ушей, так-то люди людьми, но есть что-то... Не знаю даже, как сказать. То ли черты лица, то ли манера держаться. Короче, кто вас повидал прилично, сразу опознает, тут без шансов.

Говоря, он поставил на плиту чайник и принялся вытря-

сать из коробки на тарелку брусочки вафель. Потом открыл стоящую на кухонном столе артефактную суповарку и начерпал оттуда полную пиалу густого горячего варева. Поставил её на обеденный стол, около которого так и топтался Маркиз, не решивший, куда себя девать.

– Вот, ешь.

Маркиз вздрогнул и попытался уболтать свою ауру человеческого контроля, что это был не приказ, а приглашение, но она оставалась неумолима. Пришлось хватать горячую пиалу и пить через край обжигающий суп. К счастью, Свити выдерживали более высокие температуры, чем люди, а суп оказался действительно вкусным и даже согрел тело Юдзу после марша под дождём.

– Ого ты голодный, а ещё отказывался! – хохотнул Ферди.

– Я не голодный, – просипел Маркиз, с трудом проглотив остатки супа. – Я не могу послушаться приказа от человека.

– Сожри меня Сечебука... – растерянно пробормотал Ферди. – Прости, я не хотел... А как же ты сбежал тогда? Может, я попробую отключить?

Слишком много вопросов, слишком длинные ответы, а центральный артефакт по-прежнему не жаловал его ауры энергией. Юдзу опустил на стул и положил голову на скрещённые на столе руки.

– Не знаю.

Он даже не заметил, когда Ферди очутился рядом – придвинул ещё один стул и сел лицом к Маркизу с видом чело-

века, почуявшего интересную задачу.

– Я вообще-то неплохой артефактор, – заметил он. – Да, занимаюсь Импульсами в основном, но со Свити опыт есть. Если ты мне позволишь, я бы попробовал тебя перенастроить. Что ты об этом думаешь?

Маркиз повернул голову и приоткрыл глаза. Волосы упали ему на лицо, и сквозь их рыжину Ферди казался нарисованным сангиной. Над его пиалой с супом поднимался фигурный пар.

Позволить человеку поковыряться в нём? От одной мысли должно было стать жутко настолько, чтобы вышибить стекло и бежать, не разбирая дороги, до самой границы с Венгрией. А потом что? Что такого ценного в одиноком Юдзу, оставшемся без цели и без сил, что это нужно защищать и прятать? Разве ему не всё равно, что с ним будет? А этот человек явно предвкушает ковыряние в его нутре. Так почему бы хоть его не порадовать, раз уж сам Юдзу порадоваться не мог.

– Хорошо, – прошептал он. – Только если хочешь, чтобы я тебе помог с бухгалтерией, память мне не стирай.

– Естественно я не буду стирать тебе память! – вскинулся Ферди. – Я вообще аккуратно! И ничего лишнего трогать не буду! Я вообще к Свити со всем уважением.

Маркиз кивнул.

– Ну, – замялся Ферди, – тогда завтра с утра первым делом.

Маркиз подумал о том, чтобы ждать до утра с осознани-

ем, что незнакомый человек разберёт его на части перекроит ему голову. Нет, это было уже слишком. Или прямо сейчас выпрыгнуть в окно, или лечь на верстак, иначе он просто сойдёт с ума.

– Давай прямо сейчас, – сказал он, вставая. – Я не доживу до утра.

Ферди вытаращился на него, а потом мгновенно всосал пиалу супа и вскочил.

– Идём, конечно.

И повёл Маркиза наружу, вниз по лестнице и в гараж.

Маркиз послушно топал позади, не обращая внимания на заливавший лестницу дождь, мгновенно промочивший рубашку. Вероятно, сейчас шли последние минуты, когда он ещё Маркиз. Сейчас с ним что-то сделают, а после манипуляций проснётся уже не Маркиз, а какой-то совсем другой Юдзу. Во всяком случае, всё, что он знал об отключении человеческого контроля, сводилось именно к этому: ауру ЧК можно уничтожить только вместе с личностью Свити.

Однако личность Маркиза никому не была нужна. У неё не было цели и желаний. Маркиз проиграл. А значит, тому, новому Юдзу, что возникнет на верстаке, надо дать шанс.

Глава 6. Отладка

Класть его на верстак Ферди почему-то не стал. Хотя тот был в мастерской – именно такой, каким представлялся Маркизу в его кошмарах: большим, тяжёлым, с исцарапанной и заляпанной маслом и краской столешницей и тисками на углу.

Рядом громоздился здоровенный Церебрум – сразу видно, что в несколько раз мощнее, чем даже Юдзу. Когда человек подключит Маркиза к этому монстру, тот сметёт его ауры, как бульдозер – пустые коробки. Ну, по крайней мере, об ауре ЧК после этого точно можно будет забыть... Если Ферди не решит вместо сноса перенастроить её под себя. В конце концов, ему будет удобнее иметь при себе Юдзу, который обязан подчиняться, а не такого, что может в любой момент сбежать.

Ферди подогнал с другого конца мастерской большое кресло. Похоже, что оно обычно стояло на улице, но пережидало дождь в гараже. Маркиз опустился в него, с трудом заставив работать дрожащие колени и не подать вида, как ему страшно. По телу поочерёдно разливались то холод, то жар, а из кожи начала неконтролируемо выделяться вода.

– Я сейчас протяну к тебе канал, – дружелюбно произнёс Ферди, пробуждая Церебрум, – а ты его прими и дай все решения.

Маркиз стиснул зубы, но ничего не мог поделать: аура ЧК понимала повелительное наклонение, как приказ. Поэтому когда он почувствовал, что его ауры связи касается канал, то никак бы не затормозил слияние. Впрочем, он же сам на это согласился, так что теперь брыкаться? Сейчас человек захватит все его управляющие узлы, потом проберётся к центральному артефакту и пошлёт его в гибернацию. А выйдет из неё уже кто-то другой, покорный и больше всего на свете мечтающий создать второй филиал Сечебукиного импульс-сервиса...

– Ах вот она как соединяется, – хмыкнул Ферди, уставившись в экран. – Мне там, в корпорации ауру контроля ковырять не позволяли. Значит, на отключение подачи энергии тут блок... Хм-м, а если только обратную связь обрезать?

Он что-то сделал. Маркиз ожидал, что будет больно, но ничего не почувствовал. Вообще ничего.

– Та-ак, – бормотал человек. На экране перед ним колыхались какие-то цветные пятна, или это у Маркиза перед глазами всё расплывалось. – Ну-ка, ну-ка.

Он повернулся к Маркизу.

– Подними руку.

Юдзу не сразу сориентировался, что к чему. Зачем руку? Которую? Как высоко поднять? Какое это имеет отношение к...

– Ага! – обрадовался человек. – А ну-ка, подними ногу!

– Зачем? – вслух спросил Маркиз и тут же сам всё понял.

Человек проверял работу ауры ЧК! Юдзу тут же заметался – что делать? Таки поднять руку и ногу, чтобы человек думал, что всё работает, или честно сказать, что аура не работает? Но ведь его ещё даже не отключили, и когда же должна произойти подмена личности?

– Отлично! – обрадовался Ферди. – Всё получилось.

И отсоединил канал.

Маркиз зачем-то посмотрел на свои руки – растопыренные на подлокотниках кресла пальцы, почему-то грязные. Он поднёс их к глазам. Руки дрожали, в глазах всё расплывалось. Это что, эффект от отключения ауры? Может, он отложенный? Или спасительной гибернации не будет? Неужели придётся прочувствовать все изменения, оставаясь в сознании?

– Ну как ты? – спросил Ферди, отворачиваясь от экрана, где застыли прежде подвижные пятна.

– Н-не знаю, – просипел Маркиз и всё-таки не удержался от глупого вопроса: – А что, уже всё?

– Ну да, – широко улыбнулся человек. – Я питание ауры отключать не стал, там блок на это стоит, а я не знаю, как его снять. То есть придумал бы, конечно, но не с наскока, там ковыряться надо, изучать, прощупывать... – он пошевелил пальцами в воздухе, изображая то самое прощупывание, и Маркизу показалось, что Ферди бы с удовольствием этим занялся. Его передёрнуло. Человек, похоже, это заметил и встряхнул рукой. – Но я мучить тебя не хотел, поэтому не

стал. В итоге просто обратную связь от ауры отключил, это просто. Она работает, но ничего не может с тобой сделать. Знаешь, как рыбка в аквариуме.

Маркиз видал аквариумы и неуверенно кивнул. Значит, та страшная вещь, что случается со Свити, когда они пытаются взломать свои ауры контроля, ему не грозит? Если человек пошёл другим путём... Выходит, он и свою волю навязывать не стал?

Свити снова оглядел себя и понял, что вся одежда на нём промокла, а теперь промокает и кресло.

– Тебе освежиться, наверное, надо? – заметил Ферди, оглядывая висящую на нём мокрятину. – Душ рядом с кухней. А я пойду всё-таки чаю нам сделаю.

С этими словами он широко зевнул и потёр глаза. Только сейчас Маркиз заметил, что человек говорит не очень чётко, а ведь это было верным признаком усталости. Не только усталости – но он понюхал воздух и не учуял других причин для заплетающегося языка. Почему он не считал усталость в языке тела раньше? Аура плохо работала? А теперь что, лучше?

Ферди встал, потянулся и неспешно побрёл обратно к лестнице. Маркиз, который был на полторы головы ниже ростом, посеменил следом. Иногда ему хотелось быть здоровенным лбом, как Лайм, чтобы смотреть на людей сверху вниз, а не вот это вот всё.

– Послушай, Ферди, – заговорил он, прежде чем они вы-

шли на дождь, – я... я тебе искренне благодарен. Это значит для меня очень много. И твоя помощь, и то, что ты не воспользовался ситуацией.

Да, речевая аура явно получала теперь больше энергии и сразу стала выдавать красивые фразы.

Человек обернулся и недоумённо на него посмотрел.

– Ну что ж я, гад какой-то, пользоваться? Тебе и так паршиво пришлось. Эта вся логрокантская история вообще смердит, я не знаю, почему им лавочку не прикрыли до сих пор.

Маркиз пока не соображал, что всё это значит, но ему нужно было закончить свою мысль.

– Что я могу сделать для тебя взамен?

Ферди поскрёб огромной пятернёй свой белобрысый бобр.

– Так это... Я ж говорю, хочу в Вегрии филиал открыть. Точнее, понимаешь, я сам из Вегрии, и мне бы вернуться туда, перенести туда главную мастерскую, а эту сделать филиалом. Но чтобы там открыться, они требуют аудит, и чтобы вегрийская фирма проводила. А мне ото всей этой бухгалтерии дурно делается, у меня там наверняка половины документов нету и вообще... Но я бы тебя нанял за деньги, это же до Сечебукина логова работы, ты же не будешь на меня пахать за спасибо и пять минут ковыряний в Церебруме.

Маркиз внезапно почувствовал, как его ауры начали разгоняться. Уж не в том ли дело, что когда он сбежал, аура

человеческого контроля каким-то образом урезала приток энергии к другим артефактам? Потому ему и не хотелось ничего, и думалось с трудом. И как там Виконт, если вдали от законных хозяев Юдзу тупеют? Маркиз понадеялся, что ему тоже отключили контроль.

Но пока ему следовало принять самое насущное решение.

– Денег не надо, – твёрдо сказал он. – Здесь, в Теасе меня все узнают, как и ты. Предлагаю услугу за услугу: я тебе бухгалтерию, а ты меня вывезешь в Вегрию. И научишь артефакторике.

Ферди высоко поднял брови.

– Ты хочешь сам себя чинить?

Маркиз кивнул, но думал он не о себе. Помощь может понадобиться Виконту. Или ещё какому-нибудь беглому Юдзу. Или не Юдзу...

За бухгалтерию Маркиз засел с таким же рвением, с каким котики осваивают новую когтеточку. Только ниточки летели. Единственное, что портило ему праздник от наконец-то привычной и понятной работы, – это то, что заниматься ею приходилось в гараже. Ведь именно там у Ферди стоял Церебрум, поскольку через него шла тонкая настройка Импульсов. Второго у Ферди не было, да и ставить в скворечнике над гаражом его было некуда.

Поэтому Маркиз сидел в том самом садовом кресле, дышал запахом импульсового масла и кутался в притащенный сверху плед, недобро поглядывая на струи дождя снаружи.

Работая в крупной корпорации, Маркиз привык к гораздо большему размаху бизнеса: крупные суммы, тонны отчётности, в которой можно похоронить пару городов, – как в плане того, что просто закопать в бумаги, так и в том, какие деньги можно счесть погрешностью расчётов. У Ферди было всё не так: с одной стороны, он ни перед кем, кроме налоговой, не отчитывался, и потому тратил без разбора, чеков и смет, а с другой, к нему и требований предъявлялось на порядок меньше.

В малом бизнесе Маркиз пока не разбирался, а потому первый день потратил на то, чтобы найти в эфире все нужные руководства, применимые законы, формы, инстанции и тому подобное. А ещё надо было составить список венгерских аудиторов и в несколько этапов выбрать того, кто наилучшим образом справится с задачей, да ещё и в пределах бюджета – довольно скромного, надо сказать.

– Ты тут не задубел ещё?

Маркиз вздрогнул и обернулся. Рядом с креслом стоял Ферди с кружкой, из которой поднимался пар.

– А... ну, есть немного, – ответил Маркиз, жамкая пальцами ног. Те подмёрзли и плохо гнулись.

Ферди вручил ему кружку – в ней оказалось какао.

– На, погрейся. С завтрашнего дня обещали потепление.

Маркиз усталился на кружку. Ферди и раньше пытался его кормить, но он как-то не понял, зачем это было. Идея согреться едой казалась ему странной. Ладно ещё людям, – у них еда падает в живот и там лежит какое-то время, отдавая тепло. А у Свити всё сгорает прямо в глотке. С другой стороны, если набрать побольше какао в рот и подержать, то, может, уши не будут так мёрзнуть...

Он как раз решил поэкспериментировать, когда Ферди снова заговорил:

– Я уже нашёл аудиторскую фирму в Венгрии, которая мне сделает отчёты, но им там кучу всего прислать нужно, а я даже трети не смог собрать...

Маркиз чуть не поперхнулся и с трудом проглотил горячий напиток. Ну, ушам и правда стало лучше.

– Как это ты уже нашёл? Ты по какому принципу выбирал? Ты уже с ними связывался?

– Да я так... – замялся Ферди. – Поискал в эфире... Там аудитор – девушка такая, ну, прям приятная. Мне кажется, она хорошо делает. Я с ними договорился встретиться по эфиру завтра утром.

Маркиз поставил чашку и схватился за голову. Люди!!! Как можно выбрать исполнителя за то, что «девушка прям приятная»?! Он кинулся смотреть переписку с фирмой. И очень вовремя – потому что с той стороны как раз написали, что хотели бы перенести встречу на после обеда.

Закатав рукава, образованные складками пледа, Маркиз

кинулся в эфир выяснять всё на свете про эту Эдну Халиг и её микроскопическую фирмульку. Наверняка однодневка какая-то, наберёт заказов, не выполнит обязательств и исчезнет!

– Ну, ты справишься, да? – с надеждой спросил Ферди и тихо смылся перебирать грузовой Импульс.

Маркиз даже не обратил внимание. Он впитывал отзывы, списки клиентов, участие в конференциях, аттестаты и всё, что только мог найти, а потом с остервенением это анализировал.

И... пришёл к выводу, что этот исполнитель им полностью подходит. Веальда Халиг не раз проводила аудит именно для предоставления в ту инстанцию, куда Ферди было надо. Клиенты о ней отзывались как о дотошном и мудром специалисте, который выполняет работу не механически, а творчески, точно под задачу, и доходчиво объясняет, какие у фирмы есть проблемы и как их решать. И плюс ко всему – довольно скромный ценник, скорее всего, из-за того, что девушке не хватало времени заняться имиджем компании и поднять ставки.

В результате Маркиз был очень рад подтвердить перенос времени, потому что нужные документы он так и не собрал, а значит, придётся сидеть всю ночь и полдня, и отсрочка встречи – только на пользу делу.

– Встречаться с ней будешь сам, – предупредил он Ферди. – Я боюсь лицо светить.

– Ну, ты сядь рядом и суфлируй мне, хорошо? – усмехнулся артефактор. – А не хочешь отдохнуть и заодно посмотреть, как устроена панель управления Импульса?

Маркиз не то чтобы очень хотел, но он решил учиться артефакторике, так что отказываться не стоило.

– А у Импульсов есть аура контроля? – спросил он, вставая.

– Не совсем, – хмыкнул Ферди. – Что-то похожее, но попроще. Показать? Мне как раз нужно её перенести.

Маркиз тут же прибавил ходу и прикипел взглядом к рукам артефактора. Весь оставшийся вечер он изучал устройство разных штук в Импульсе и даже помогал кое-что починить. И это придавало ему уверенности.

Свити почти никогда не учились, как учатся люди. Они просыпались на фабрике уже с установленными аурами, в которых содержалась вся информация, нужная для работы. Даже адаптировать ауры под конкретную задачу поначалу не всегда выходило, особенно если параметры были сильно нестандартными. Для этого требовались годы опыта, и то не у всех Свити выходило. Например, Лаймы так до конца жизни и не осваивали нестандартные задачи.

Но Маркиз был Юдзу, а Юдзу должны справляться с такими вещами гораздо лучше. Так что он лелеял надежду, что обойдётся как-нибудь без ауры артефакторики. Ведь их не существовало в природе – кто же даст Свити способность переделывать Свити? И Маркиз собирался стать уникальным

специалистом. Теперь, если его прежние хозяева за ним пришлют Цитронов, Маркиз не будет беспомощен!

Лир замер, в ужасе уставившись на рыжего парня, открывшего калитку. Может, он всё-таки ошибся, и это не Юдзу? Но такие яркие глаза, такая ровная чистая кожа... У людей так не бывает, обязательно или прыщ на лбу, или щетина на подбородке, родинка какая-нибудь, следы от очков, красное пятно от укуса мошки... Да и по телосложению это был типичный Юдзу – мелкий, тощий, поджарый. И взгляд... Цепкий, просчитывающий. У Юдзу всегда такой взгляд, словно ты – задача, в которой нужно оценить риск и доходность.

Но прежде, чем Лир успел что-то сказать, его аура связи заверещала благим матом:

Вторжение! Вторжение!

Лира словно ледяной водой окатило какой-то волной, от середины груди по всему телу разошлись круги, зрение на секунду поплыло, но тут же выровнялось, Лир даже не выпустил ручку кейса, только пошатнулся и переставил ногу.

– Молчи и иди за мной, – велел Юдзу и посторонился, пропуская Лира в калитку. Тот послушался – по привычке, а ещё потому, что не знал, что этот Юдзу с ним сделал. Стоило притвориться ветошью и выполнять приказы, пока не станет ясно, что тут к чему. И откуда у артефактора, держащего им-

пульсервис в небольшом городке, Юдзу.

– *Его могли прислать с базы,* – предположила Брасса, которой Лир тут же передал всё, что произошло.

Юдзу тем временем высунул нос на улицу, повертел им туда-сюда и закрыл калитку на замок.

– Иди в гараж, – велел он Лиру. Тот послушно зашагал.

– *С чего бы базе присылать за нами Юдзу?* – спросил он на ходу у Брассы. – *Без ауры ЧК он мне на один удар.*

– *Так они не знают, что у тебя аура поломана. А мне он может приказывать.*

Лир хотел было ответить – что толку тебе приказывать, если ты самое большое сейчас голову повернуть можешь? Но вовремя спохватился, что Брассе будет досадно такое слышать. Кому понравится, когда напоминают о том, что ты не можешь выполнять свою функцию?

– *Тогда сиди тихо, чтобы он тебя не заметил,* – сказал вместо этого Лир. – *Я осмотрюсь и пойму, как лучше бежать.*

Зайдя в гараж, Юдзу тоже закрыл дверь. Лиру это не понравилось: как бы не оказалось потом, что для отпирания нужен пароль. Впрочем, с другой стороны в стене светлела пара окон, так что в крайнем случае выбьет их.

– Кто тебя прислал? – быстро и мрачно спросил Юдзу.

Лир задумался над вопросом. Почему он спросил именно такое? Если этого Юдзу отправили с базы искать беглого Лайма, то вопрос не имел смысла. Но зачем вообще отправ-

лять Юдзу ловить Лайма? Тут надо или Цитрона, или просто хозяина, чтобы приказал возвращаться.

Значит, этот Юдзу к базе отношения не имеет. И сам не знает, кто Лир такой. Но, конечно, сразу опознал в нём Свити. Юдзу шляпой не проведёшь, у него все параметры всех Свити в специальную ауру вшиты, он наверняка уже определил Лиру с точностью до модели и года выпуска.

Допустим, этот Юдзу принадлежит импульсервису или какой-то его материнской организации, Лир слышал, что в Теасе большие фирмы иногда заводили себе фирмульки поменьше. В таком случае, что он должен сделать с беглым Лаймом, не принадлежащим его фирме? Лир был уверен, что база, на которой он использовался, не имеет отношений ни с какими городскими компаниями.

Протоколов Юдзу он, конечно, не знал, но мог предположить по логике. Лайм мог быть водителем грузового Импульса или просто курьером, мог выступать в роли переговорного устройства, если хозяин не доехал поприсутствовать на встрече лично. В таком случае вопрос «кто тебя прислал» подразумевает – кто твой хозяин, чего он хочет.

Однако это странный вопрос для Юдзу. Если бы он решил, что Лир прибыл от клиента, он бы выразился покрасивее. Это же Юдзу, они умеют. Что-нибудь типа «чем мы можем быть полезны» или там «как мне к вам обращаться», вот это вот всё. И потом, если бы этот Юдзу решил, что Лир – хозяйский Свити, то что такое странное он сделал? Вот то

холодное ощущение неприятное, это что было? Лира никогда таким не обрабатывали, а он работал на доставке, ездил между базой и городом один, без сопровождения.

Однако тут он припомнил, на что это было похоже... Когда менялись хозяева и ауру ЧК перезаряжали на нового командира. Эге, да никак этот Юдзу попытался взять его под контроль? Вот никогда Лир их породу не любил, а сейчас так прямо особенно!

Однако если Юдзу бы решил, что Лир – хозяйский Свити, то разве стал бы он пытаться его перехватить? Хозяином Лайма может быть кто угодно, но с большой вероятностью это крупная организация при деньгах. И, не дождавшись своего Лайма домой, она пришлёт кого-то посущественнее. Юдзу не мог этого не понимать.

Но Лир не выглядел, как хозяйский Лайм. Он был одет в слегка прополоснутую в реке куртку, снятую с пугала, и свои старые рабочие штаны с дырами, а ещё в самоплётную соломенную шляпу. Волосы, обычно заплетённые в косичку, растрепались и торчали в разные стороны, как та солома, да и наверняка грязь где-нибудь на лице прилипла, а руки все в замазке... М-да. Конечно, Юдзу должен был понять, что нормальный хозяин в таком виде Лайма из конторы не выпустит.

Но Юдзу не спросил «откуда ты сбежал» или даже «кто тебя бросил» – всякое же бывает. Он спросил «кто тебя прислал». То есть он предположил, что вот в таком виде Лайм

явился к нему... в камуфляже? Лир не раз видал учения и обмундирование людей для работы в поле – вот это всё пятнистое, с наклепленными на шлем веточками и сеткой в лоскутах. Юдзу решил, что Лайма к нему подослали под видом ветоши, чтобы... что?

– *Смотри, как бы он не отправил кому-нибудь сообщение, – предупредила Брасса из кейса. – Я замечу, если он это сделает, но остановить или прочитать не смогу.*

Ого какие у Цитронов есть способности!

Лир заново прокрутил в голове факты: пригородный импульсервис, домашняя одежда, вороватое оглядывание у калитки. Да этот Юдзу – сам беглый. Он скрывается от хозяев. И решил, что Лайма послали его искать. А спросил «кто» – потому что, наверное, сбежал при перепродаже и хочет знать, новый или старый хозяин его ищет. Небось разные возможности у них.

Пауза затянулась, и Лир по привычке решил отыграть тупого Лайма, пока Юдзу не заподозрил неладного.

– Хозяин, – уверенно ответил он.

Юдзу поджал губы совсем как недовольный человек.

– Кто твой хозяин?

А сам на кейс – зырк. Небось думает, что Лир сейчас его в этот самый кейс и упакует. Или наоборот, надеется засунуть туда Лира, чтобы потом продать его хозяевам, а на вырученные деньги свалить в голубую даль. Ну уж нет.

– Ты! – выпалил Лир.

Юдзу ожидаемо растерялся и забормотал что-то о настройках, но Лир уже воспользовался его замешательством: прыгнул вперёд, повалил Юдзу на пол, перевернул и прижал к магокамню пола, а потом обхватил руками его голову.

– Не вздумай ни с кем связываться, иначе я оторву тебе башку, – прошипел он в самое человеческое ухо Юдзу. – И забери с собой в качестве компаса. Это ясно?

Глава 7. Конфликт версий

Маркиз замер, забыв даже дышать. То есть об этом он и в норме не помнил, тело справлялось само, но тут от потрясения даже базовые функции перезагрузились.

С ним никогда так не обращались. Он же Юдзу! Люди на Юдзу обычно и дышать-то боялись, он же стоит, как пентхаус! А Лаймов к нему не подпускали близко, разве что в его комнату – прибраться, грязную одежду заменить на чистую. Сам он к Лаймам тоже не приближался. Зачем? Команду отдал и пошёл дальше по своим делам. Лаймы вечно возятся в чём-то грязном, ещё испачкают белую офисную рубашку, придётся менять, хозяин отругает за задержку.

И вот такого, чтобы его! Юдзу! Какой-то грязный Лайм! Просто схватил!!! Да такого просто быть не могло! У Маркиза, кажется, что-то замкнуло в центральном артефакте от потрясения.

– Я спрашиваю, это понятно? – прошипел на ухо потрепанный чужой Лайм, который по какой-то причине не воспринял переключение ауры ЧК на Маркиза.

– Понятно, – быстро ответил Маркиз, прикидывая. Ферди ещё спал в такую рань, тем более, что вчера поздно закончил с ремонтом. Не кричать Лайм не требовал, но что-то подсказывало Юдзу, что лучше его не провоцировать.

Так, хватит паниковать, пора соображать. Маркиз уже по-

нял свою ошибку. Больше всего он боялся, что бывшие хозяева его найдут, схватят и уволокут обратно в Логрокант. Поэтому, когда он увидел откровенно плохо замаскированного под человека Лайма, первым делом решил, что это за ним. Наверняка самому Свити велели что-нибудь вроде «оденься неприметно» или там «притворись соседом» или ещё что-то столь же детальное, а Лаймы действуют топорно, им надо всё поэтапно расписывать.

Юдзу был морально готов к мысли, что за ним пришлют Свити. Может, Цитронов, а не Лаймов, но на Цитронов его компания могла и не раскошелиться. Поэтому Маркиз готовился. Ферди каждый день, как и договаривались, учил его артефакторике, и первым делом Маркиз выучился работать с аурой ЧК: отключать обратную связь, переводить на другого хозяина, сбрасывать настройки и так далее. Он был готов при появлении Свити на пороге тут же перехватить контроль.

Вот только... Это не сработало. И теперь этот медведь от мира Свити придавливал его коленом к гаражному полу, отчего новая мягкая кремовая кофта пропитывалась импульсовым маслом.

Но Маркиз только-только обрёл новый смысл жизни и во все не был готов так просто сдаться. Тем более, что Лайм схватил его совсем близко к Церебруму. Протянуть канал... Маркиз должен был с этим справиться. А пока что заговорить тупому котуку зубы, чтобы не кусался.

– Как именно звучал твой приказ? – спросил он. Если хозяин сказал Лайму что-то вроде «захватить» или «вернуть», то это можно трактовать довольно широко. Маркиз пообещает быть пайнкой, а сам потихоньку подключит Лайма к Церебруму, и тот не оставит в его пустой голове ни следа приказа.

– Мои приказы тебя не касаются, – откликнулся Лайм. – Где артефактор?

У Маркиза глаза на лоб полезли. Чтобы Лайм – и в открытую грубил Юдзу?! Да откуда он такой вылутился? В компании подобных наглых Лаймов точно не было и вряд ли бы прежние хозяева захотели иметь дело с непочтительным Лаймом!

Маркиз постарался вспомнить внешний вид пришельца. Такие мелочи, как цвет волос и глаз, не играли роли – Лаймы выпускались всех мастей в случайных сочетаниях, поскольку покупали их в основном компании оптом и никто их при этом не рассматривал. Так, в целом симпатичные, и всё. Для более придирчивых клиентов существовал сервис кастомизации за отдельные деньги.

Однако по внешним данным всё же можно было определить некоторые подробности. Например, этот Лайм был не так высок, как большинство тех, с кем Маркизу приходилось иметь дело. Он был скорее коренастым, широкоплечим и крепким, а не вытянутым, как современная лапша. И если это не кастомизация, то, значит, устаревшая модель. Люди

последнее время не любили внешних напоминаний о силе Свити и предпочитали, чтобы те выглядели субтильно и инфантильно. А у этого и лицо было поглубже. А вот уши – поменьше, насколько Маркиз их разглядел на просвет сквозь шляпу.

Итак, он имел дело с довольно старым Лаймом. Может, у него уже ауры сбоят, потому он так себя и ведёт? И – он спрашивает про артефактора. Может ли так быть, что он пришёл вовсе не по душу Маркиза, а в ремонт? Конечно, Ферди не кричал на каждом углу, что может чинить Свити, но всё же какой-то артефактор лучше, чем никакого. А у хозяина этого Лайма с деньгами нелады, судя по тому, как Свити одет.

Допустим, хозяин отправил своего Лайма узнать насчёт ремонта. Что тогда у него в чемодане? Запчасти? Ещё один Лайм? Ладно, допустим. И вот он пришёл и увидел тут Юдзу. Казалось бы, что такого? Лайму должно быть всё равно. Правда, Юдзу попытался взять над ним контроль, но ведь не вышло. Может, Маркиз не нарочно усугубил поломку? Или этот Лайм в принципе на всех нападает, потому и был отправлен в ремонт? В таком случае подпускать его к Ферди никак нельзя!

– Это я артефактор! – заявил Маркиз.

Лайм у него на спине замер.

– Свити-артефактор? – медленно произнёс он. – Гонит, наверное? Я о таком никогда не слышал.

Маркиз удивился, почему Лайм как будто разговаривает

не с ним, но тут услышал приглушённый женский голос где-то позади.

– Конечно, гонит. Кто позволит Свити такой доступ? Это слишком опасно.

– А ну не двигайся! – рявкнул Лайм, когда Маркиз попытался повернуть голову и посмотреть, кто говорит. Хозяйка Лайма?

– Я подключилась к эфиру дома, – послышалось сзади. – На втором этаже есть человек, он спит. Его внешность совпадает со снимком в пузыре этого импульсервиса. Думаю, артефактор – он.

– Откуда у захолустного импульсервиса Юдзу? – спросил Лайм, и Маркиз начал понимать, что сильно, ох как сильно недооценивал этих котиков.

Женщина несколько секунд молчала, а потом произнесла совершенно спокойно:

– Он объявлен в розыск корпорацией «Аэтерна».

– Ага, значит, я всё правильно понял, – хмыкнул Лайм, обдав воздухом ухо Маркиза. – Там у человека леденец или что-нибудь есть? Буди его и говори, либо он нам помогает, либо мы сдадим его игрушку настоящим хозяевам.

Ферди влетел в гараж прямо в пижаме, босой и с огромной монтировкой в руках. Маркиз, которого подняли с по-

ла, только успел удивиться, что человек так разволновался по его поводу, и тут Лайм отправил Маркиза в полёт прямой наводкой в Ферди.

Тот поймал его одной рукой за плечо и тут же задвинул себе за спину.

– А ну вон пошёл из моего дома! – рыкнул Ферди, замахиваясь монтировкой. Маркиз осторожно выглянул из-за него.

Лайм стоял в расслабленной позе, сложив руки на груди. Сейчас было ясно видно, что рукава куртки ему коротки.

– А вы, веальд артефактор, не кипятитесь, – произнёс он неторопливо, как будто это он тут начальник отдела, а все остальные – провинившиеся подчинённые. И откуда Лайм набрался такой наглости?! – Во-первых, я вас намного сильнее, во-вторых, тормозов у меня нет, а в-третьих, если вы не будете делать, что мы просим, то ваш Юдзу поедет домой в свою родную компанию в Логроканте. Уж отправить сообщение туда я успею, даже если потом вы меня на детали разберёте.

Ферди попыхтел, но монтировку опустил.

– Что вам нужно?

Лайм совсем по-человечески пожал плечами:

– Ремонт.

– Ремонт чего?! – Ферди развёл руками. – Не вижу тут Импульса!

– Свити, – спокойно сказал Лайм. Посмотрел на Ферди как-то оценивающе, а потом отошёл к своему чемодану.

Чемодан стоял вертикально на колёсиках, которые слегка расползались из-под него под весом содержимого. Лайм отщёлкнул крышку – или дверцу, и взгляду Маркиза предстала очень странная картина.

Голова Свити торчала из прямоугольного монолита какой-то жёлто-серой пакости, из которой тут и там выступали бугорки металла и кожи. Живой кожи Свити.

– Я отработаю любым способом, каким смогу, – добавил Лайм, старательно отводя глаза от чемодана. Маркиза тоже подташнивало, чего уж там.

– Что... с ней? – выдавил Ферди, едва не уронивший монтировку.

– Очень много повреждений, – пояснил Лайм, – корпус раскурочен. Чтобы эктоплазма не вытекала, я замазал оконной замазкой. Но вы же сможете залатать? Я буду отрабатывать столько, сколько скажете, хоть всю жизнь.

Ферди долго выдыхал, а потом подошёл к верстаку и положил на него монтировку. Очевидно, чтобы освободить руки, которыми он потёр лицо и взъерошил и так стоящие ворсом волосы.

Маркиз его понимал. Он успел узнать достаточно, чтобы оценить сложность ремонта. По-хорошему, этому Свити следовало просто пересадить тело, но Цитрус никогда не продаст частнику тело. Разве что купить другого Свити и оторвать ему голову, а потом выковырять центральный артефакт... Но Маркиз был уверен, что Ферди так не поступит.

Однако на что рассчитывал хозяин этих Свити? Маркиз ещё раз окинул взглядом Лайма с его курткой, которая только что не разлезалась по швам, потом нечто в чемодане, залепленное замазкой. Если у человека были деньги на двух Свити, то странно, что он не мог позволить себе нормальную одежду. Купил на последние? Но хоть транспортный контейнер ему должны были выдать вместе с товаром, как его иначе везти? Да и почему Лайм обещает отработать самостоятельно, как будто это не хозяин его прислал, а...

Тут у Маркиза в голове оглушительно щёлкнуло. То есть щёлкнуло, конечно, в вычислительном артефакте, а в голову отдалось эхом. Что если этот Лайм, как и он сам, сбежал?!

Маркиз быстро просканировал эфир на предмет Лаймов в розыске, но ничего не обнаружил. Это его как раз не удивило: Лаймы не сбежали. У них на такое мозгов не хватало. Лайм вообще не представлял себе, как устроен мир, не мог планировать поездки и в целом плохо справлялся с ситуациями, с которыми сталкивался впервые. Большинство Лаймов никогда не видели ничего за пределами пары-тройки этажей небоскрёба своей компании, ну и потом, может, квартиру вторичного хозяина, если их продавали частникам по истечении гарантии.

Однако этот Лайм вёл себя совсем не так, как Маркиз привык. К тому же он был не один – теперь Маркиз понимал, кому принадлежал женский голос. По массе замазки и частей тела было не понять, что за Свити перед ним, но лицо

показалось Маркизу знакомым, и он быстро нашёл его в каталоге. Это была Цитронка, старая лимитка, до сих пор популярная в качестве телохранителя для женщин. Конечно, с возможностями Цитрона, пусть и обездвиженного, Лайм мог достичь гораздо большего, чем сам по себе. Выходит, эти двое такие же беглецы, как и Маркиз?..

– Вы здесь без разрешения, – произнёс он, следя за выражениями лиц обоих Свити. У Цитронки оно не поменялось, ровное, как из коробки, а у Лайма получило оттенок раздражения. Ага. – И я тоже могу сообщить вашим хозяевам, что вы здесь.

Лайм фыркнул.

– Да? Ну попробуй, отыщи наших хозяев.

Маркиз прикусил язык. В розыск ни того, ни другого Свити не объявляли. Но не могли же их просто отпустить?

– Я всё ещё слежу за твоей аурой связи, – подала голос Цитронка. – Если ты отправишь сообщение, я тебя сдам.

Маркиз сжал зубы. Получалось, он подставлял Ферди! Если Маркиза здесь найдут, Ферди не поздоровится, а если слушаться этих чужих Свити, то Ферди придётся ой как попотеть. Как могло так случиться, что Лайм обставил Юдзу? Или Маркиз всё-таки растерял весь ум где-то по дороге?!

– Никто не будет никого сдавать, – отчётливо произнёс Ферди. – Ни вы Марка, ни Марк вас. – С этими словами он внимательно посмотрел в глаза Маркизу, а затем прищельцам. – Я помогу, чем смогу. Но при двух условиях: во-пер-

вых, вы ничем не навредите Марку, а во-вторых, как только сможете, вы уберётесь отсюда как можно дальше.

– Идёт, – быстро сказал Лайм и протянул Ферди грязную руку, как человек, для пожатия. – Я – Лир, это Брасса. Спасибо, что согласились помочь.

Маркиз смотрел на рукопожатие, и его трясло. Это *его* человек! Он его первым нашёл!!! Почему какой-то Лайм теперь получает от него помощь, да ещё так спокойно, будто так и надо?! Маркиз не соглашался терпеть на своей территории каких-то помоечных котиков в обносках и замазке! Он это так не оставит!

Первым делом Ферди решил вернуться наверх, вымыть ноги, одеться и позавтракать. Побудка у него сегодня вышла не из приятных – когда леденец сам собой включился и незнакомым женским голосом в ультимативной форме велел явиться в подвал, а не то!

Впрочем, когда Ферди увидел состояние Брассы, он ей всё простил. Свити и так жилось нелегко, вся эта практика была порочна насквозь, а уж как и где выживали беглые Свити... Ферди предпочитал об этом не думать. Ну, пока сам не стал пунктом передержки котиков.

Своего Свити у Ферди никогда не было, он бы не стал поддерживать Цитрус своей монетой, однако несколько лет на-

зад Ферди приехал в Теас по приглашению на работу в крупную фирму, где требовались артефакторы, обслуживающие в том числе и разумные артефакты. Ферди проработал там три года, многому научился, но в итоге не вынес постоянных сделок с совестью: смотреть, в каких условиях держат этих несчастных, особенно Лаймов, он не мог. И участвовать в этом не хотел. Однако что сделает один человек против бизнес-практики, применяемой в нескольких богатых странах? Тут уж пока люди сами не увидят, что делают что-то не то, ничего не попишешь.

В итоге Ферди подвернулось удачное предложение купить эту мастерскую. У него как раз скопилась нужная сумма, а благодаря работе он имел выходы на хороших поставщиков, да и с клиентами ему кое-кто из бывших коллег помог. Конечно, он бы предпочёл вернуться на родину, в Вегрию, но и бросать теасский бизнес не хотелось. Потому Ферди и полез в эти дебри с открытием вегрийского филиала. А тут ещё так удачно к нему причалил Свити с нужными аурами...

Выйдя из душа, Ферди двинулся на кухню, чтобы по-быстрому соорудить себе бутерброд, но там внезапно оказалосьлюдно. Точнее, свитино. Марк с потерянным и злым видом стоял у плиты и выкладывал в сковородку что-то жёлтое и полужидкое.

– Да ты всё неправильно делаешь! – выговаривал ему стоящий рядом Лайм по имени Лир, как он сам представился. Шляпы на нём уже не было, но к одному светлому уху при-

стала соломина. – Надо сначала сковородку разогреть, а потом уже гренки выкладывать, чтобы схватились, а так они растекутся все.

– Ты сам сказал, что у тебя кулинарная аура повреждена, вот и не лезь с советами, – огрызнулся Марк.

– Она у меня повреждена в том плане, что я вкус не могу определить! А как сковородку на плиту ставить, я не забыл! – вскинулся Лир. – И вообще, у меня она хоть повреждена, но у тебя-то её вовсе нету! Или теперь работу по дому включают в функции Юдзу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.